

Тайны митрополита

Автор:

[Михаил Ремер](#)

Тайны митрополита

Михаил Ремер

Роман Валерьевич Злотников

Исправленная летопись #2

Школьный историк Николай Булыцкий – в далеком прошлом. Один и без оружия в мире Древней Руси, немолодой уже наш современник готов словом и делом встать на пути монгольских орд. Не всем по душе задуманная им «индустриализация» в XIV веке, но человеку, добившемуся покровительства Дмитрия Донского и Сергия Радонежского, под силу еще и не такое...

Роман Злотников, Михаил Ремер

Тайны митрополита

© Злотников Р., Ремер М., 2015

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2015

* * *

Первая часть

Удивленно оглядываясь по сторонам, Николай Сергеевич вдруг понял, что оказался посреди едва освещенной сцены, заваленной непонятным хламом. Широко расставив руки, преподаватель двинулся по направлению, как ему показалось, зияющего выхода, но тут же, запнувшись, кувыркнулся на деревянный пол.

- Чтоб тебя! - отплеываясь, сквозь зубы выругался Булыцкий. - Ни бельмеса ведь не видать!

- А ты диковин дай, - раздался прямо над ухом чей-то вкрадчивый голос.

- Чего?! - Пенсионер развернулся на звук, и тут же тишину пустого манежа распорол резкая барабанная дробь. С противными щелчками один за другим ожили мощные прожектора, залившие сцену ярким светом. Сам не ведая как, пришелец из будущего - Николай Сергеевич Булыцкий, преподаватель труда и, по совместительству, истории Красноармейской средней школы, человек уже почтенного возраста и статуса, оказался в центре огромной сцены, заваленной чертежами, фрагментами невиданных конструкций и прочей невидалью. И вдруг он стал выполнять невероятной сложности пируэты перед застывшими в совершенно нелепых позах, оскалившимися не то людьми, не то демонами. Понимая почему-то, что нельзя ни в коем случае остановиться, под подбадривающие окрики Дмитрия Ивановича Донского - великого князя Московского, выряженного почему-то в нелепый наряд конферансье, Булыцкий вынимал - то из-за пазухи, то из идиотского фасона шляпы, а то и просто из воздуха - кроликов, птиц каких-то, а то и, о чудо, настоящую пушку!

Выкрики князя становились все задорней и задорней, рев толпы все громче и громче и, подчиняясь неведомой силе, Николай Сергеевич, задыхаясь, все быстрее и быстрее извлекал из всевозможных шляп, мешков и торб зверьков, птиц, какие-то предметы, а то и просто цветастые ленточки. Не выдержав, он, схватив один из мешков, перевернул его и, крича что-то в лицо Дмитрию Донскому, разом вытряхнул из него целую гору безделушек и цветастых фантиков, приведя в восторг бородатого конферансье.

- Все, князь, - без сил опустившись на пол, прохрипел Булыцкий. - Умаялся.

– Ну, как же, Никола? – строго, по-отечески и, как показалось Николаю Сергеевичу, с укоризной посмотрел на него великий князь Московский. – А Русь-то как же? Пропадай, да?! Ты, уж, не обессудь, еще покажи чего. Диковин дай!

– Ди-ко-вин! Ди-ко-вин! – азартно взвыли зрители.

– Ну не колдун я! – взмолился в ответ тот. – И так больше дал, чем сам ведал! Вон, ведь по наитию половину сладили!

– Ну, как же, Никола? – продолжал увещевать князь. – Мы все очень просим: дай диковин. Ведь так?! – замахнувшись невесть откуда взявшимся мечом, прикрикнул он.

– Просим, просим, просим! – завелась толпа. – Дай ди-ко-вин! Дай ди-ко-вин! – скандировали зрители, и по мере того, как они заводились, пятно света, выхватывавшее ранее только первые ряды, постепенно расширялось, показывая все новые и новые лица. – Ди-ко-вин про-сим! Ди-ко-вин дай! – орали всех мастей князя и прочие посетители, не вставая, впрочем, с мест. Только теперь пенсионеру стало ясно, что причина их неподвижности – столбы, к которым они накрепко привязаны были.

– Дмитрий Иванович, князь, да что же это?! – Булыцкий пораженно уставился на князя.

– Это – гво-о-о-о-оздь сего-о-о-о-о-одняшней про-о-о-о-ограммы! – растягивая гласные, залихватски проорал конференсье. – Встречайте! Тох-та-мы-ы-ы-ы-ыш!!! – перекрикивая звон литавр, выкрикнул князь. Толпа радостно взревела, и на сцену на смешном детском велосипеде выкатил правитель Золотой Орды. Одетый в нелепое обтягивающее трико, он, под восторженный рев зала, проехался на своем драндулете по манежу и замер, глядя в упор на князя.

– Что происходит? – обалдело вертел головой преподаватель, не понимая, что это за фарс и какое, собственно, место в нем выделено ему: Николаю Сергеевичу Булыцкому.

– Дай ди-ко-вин! Дай ди-ко-вин!!! – орал зал, заводимый Дмитрием Ивановичем.

– Диковин дай, чужеродец, – громко прошипел кто-то за сценой. Булыцкий, повернувшись, тут же подался назад: прямо на него ехал Тохтамыш. Вот только детский велосипед каким-то невероятным образом превратился в каток, грозящий смять и перемолоть все до единой косточки перепуганному трудовику.

– Оставьте меня в покое!!! Все!!! – закрываясь руками, проорал учитель.

– Никола! Никола! Очнись ты! – хлесткая пощечина привела его в чувства, разогнав остатки сна.

– А? Что? – подскочив на топчане, прохрипел очнувшийся Булыцкий.

– Никола, угомонись! Что с тобою?!

– А, Ждан, – тяжело выдохнул Николай Сергеевич. – Все в порядке. Сон дурной, – помотал он головой. Сердце колотилось, липкий пот противной пленкой покрыл спину, мелкая дрожь волной прошла по всему телу.

– К Сергию бы тебе, исповедаться, – мягко улыбнулся парень. – Душит тебя что-то. А почему? А потому, что душа светлая. Вот и хотят ее черти к рукам прибрать.

– Какие черти? – Булыцкий обалдело уставился на собеседника.

– Те, что в геенне огненной, – посмотрел внимательно парнишка. – Им душа ежели чистая на земле рождается, так и покою нет. Все успокоиться им не можно, пока не изведут. А почему все? Да потому, что не можно им мыслить даже о том, что Царство Божие на земле наступит.

– А Сергий что? Не чистая душа, что ли? – прохрипел пенсионер. – Его черти не трогают, да?

– У Сергия – щитом золотым кротость его, да мечом огненным – молитва. У тебя же – буйство твое да гордыня. Так то – чертям нажива славная.

– А, ну да, – вяло кивнул пришелец. Напряжение прошло, и теперь снова навалилась усталость вперемешку с апатией какой-то.

– К Сергию, к Сергию тебе надобно. Исповедаться.

– Посмотрим, – проворчал в ответ хозяин кельи, поудобней устраиваясь на топчане. Ждан же ничего не сказал больше, лишь укоризненно взглянул на собеседника.

В этот раз заснул быстро; дала о себе знать усталость. Впрочем и теперь не получилось отдохнуть. Едва только глаза слиплись, снова терзать видения начали. Теперь уже – Зинаида, супруга покойная; но не такая, которой ушла, а молодая. Как в студенческие годы: тихая застенчивая девушка, с длинными русыми волосами, собранными в косу. И он, – пожилой уже человек, забыв про все, откинув в сторону откуда-то возникшего Милована, бросается к девушке. Вот только, подбежав, понял он, что не Зинаида это.

– Кто ты? – обалдело спрашивает у девушки Булыцкий, но та, лишь молча улыбаясь, смотрит куда-то в пол. – Звать тебя как, душа-девица? – делая шаг вперед, повторяет свой вопрос Николай Сергеевич. – Откуда? Откуда такая?

– Сиротка я, – не поднимая глаз, мелодичным таким голосом отвечала она. – Дворовым везде обида.

– Так и что?

– Так и то, что буен ты слишком. – Резко обернувшись, пришелец уперся взглядом в появившегося рядом князя. – И Киприану с тебя – забота вечная, и мне.

– Чего?! – Оторопевший преподаватель отпрянул было назад, но спиной уперся в невесть откуда возникших Тверда и еще какого-то неизвестного ему служителя.

– Ты, Никола, сватов-то засылай, и Господь с тобой, – склонив голову, чуть улыбнулся Тверд.

– Ты, Никола, давай, деток расти да ни о чем худом не помышляй. Знай себе, диковины давай, а от Тохтамыша мы, даст Бог, отобьемся.

- Какой Тохтамыш? Какие детки? Где диковины я вам возьму?!

- Угомонишься, может, да не в свои дела лезть перестанешь, поперек всех-то. Да и князю больно нужен. - Возле князя возник еще один человек, облаченный в рясу, и в нем, хоть и не без труда, но признал Николай Сергеевич того самого старика, с которым схлестнулся в покоях у Дмитрия Ивановича - митрополита Киприана. Тот, держа под руку еще одну девушку, вернее, уже возрастную даму, легонько толкнул ее навстречу пожилому человеку.

- Владыка? - пенсионер обалдело уставился на старца.

- Оно детки как появятся, так и хорониться не надо будет, - улыбаясь, пел митрополит.

- От кого хорониться? - проследив за взглядом оппонента, Булыцкий увидал тяжелую цепь, тянущуюся от ноги женщины к его лодыжке.

- Ты, Никола, больно уж буен, - услышал он голос Тверда. - Баба нужна тебе, угомонился чтобы. Вон Алена тебе - самый лад: и хороша, и вдова, - деловито надевая замок на ногу пенсионера и проверяя, надежно ли захлопнулся, продолжал дружинник.

- Ты, паче чем лаяться да буянить, делами, княжеству угодными займись, - кивнул головой князь. - А то все успеть хочешь: и по дому хозяин, и в делах ладен.

- Все такие бойкие в грядущем-то твоём? - улыбнувшись, снова пропела девушка.

- Да нет. Только те, которых к вам пророками присылают, - совсем уже растерявшись и не зная, кому отвечать поперву, невесело буркнул тот. В ответ никто и не нашелся что сказать.

- Кручинишься по своим, да? - прерывая неловкую паузу да глядя в упор на пожилого человека, негромко поинтересовалась Алена.

- Кручинюсь, - честно признался тот.

– А твоя женщина, она красна была?

– Красивая, – совсем тихо отвечал Булыцкий.

– Красней меня?

– Ты, Никола, времени не теряй! – сверкнув очами, повысил голос владыка, слушавший эту беседу. – Русь православную с колен поднимать да мечи против Орды ковать. Чуда ждем от тебя.

– Затяжелела я, – подняв глаза, улынулась вдруг женщина.

– В кулак собрать всех в единый! Так, чтобы ни одна шельма даже нос не казала! – гневно выкрикнул князь. Ворочая головой, Булыцкий переводил взгляд с одного присутствующего на другого, пытаясь понять, а что это: сон, или же он просто-напросто рехнулся?

– Ты, – добавил масла в огонь Тверд, – Никола, не кручинься почем зря. Ладная она девка. И хозяйка по дому, и еще много где умелица.

– И митрополита Московского Киприана благословение – вам в помощь, – улыбнулся старик, осеня знамением оказавшихся рядом Алену и преподавателя.

– Постой, Киприан, – замахал руками тот. – Не дело так! Хоть у меня да у нее спросил бы кто, а? Воля-то наша какова?!

– То при грядущих князьях – срам да смех. Ноне как князь скажет – так и воля ваша будет. На то и князь.

– Дело Киприан говорит, – добавил князь. – Вон, специально пришел, вас благословить.

– Чего?!

– Свадьбу отгуляете, и берись за диковины свои, нечего тебе делами бабскими маяться. И гляди мне: не буянь!

– Да что, черт подери?!

– Никола?! Никола! Никола!!! – Картинка, задрожав, рассыпалась на миллион мелких частичек, и перед глазами замаячил уже знакомый силуэт Ждана. – Никола! – Парень, пытаюсь добудиться, тряс пенсионера за плечо.

– Пусти ты, черт! И так болит все, – простонал трудовик, с трудом поднимаясь на жестком ложе. – Да за что ж мне это?! – смахивая пот со лба, выдохнул он.

Последние несколько дней оказались богатыми на события; испытания первого изготовленного в Московском княжестве тюфяка[1 - Тюфяк – огнестрельное короткоствольное орудие, стрелявшее металлической или каменной дробью. Тюфяки в отличие от пушек не отливали, но делали из металлических листов.], контузия, разлад между пришельцем и князем Дмитрием...

Да тут надо бы по порядку.

Вторая часть

Лето уходило. Отводя беззаботные солнечные хороводы, оно, вдруг разом состарившись до брюзжащей и вечно недовольной старухи-осени, пролилось на еще не успевшую остыть землю обильными дождями. За ними прилетели холодные ветра, оборвавшие листву с деревьев. Небо заволкло тучами, и теплые деньки сменились бесконечным, усиливающимся день ото дня ненастьем.

Один из самых непогожих дней выпал именно на сегодня: хмарь, ледяной пронизывающий ветер и нудный, мелкий не то дождь, не то снег, зарядивший с самой ночи. Казалось, в такую погоду должно сидеть в избе у очага да носу не казать на улицу, занимаясь домашними делами. Однако даже в такое ненастье, сквозь шум осенней непогоды из чащи доносились чьи-то

взбудораженные перекрикивания. Именно на эти голоса, опираясь на крепкую палицу, и шагал высокий статный схимник[2 - Схимник – монах, принявший схиму (торжественная клятва (обет) православных монахов соблюдать особо строгие аскетические правила поведения).]. Хлесткий ветер теребил полы худых одежонок уверенно двигавшегося по едва видной тропе монаха. Прихваченная за ночь морозцем земля то и дело расплывалась, заставляя старика оступаться, однако тот, крестясь и читая молитвы, шел вперед, время от времени бросая встревоженные взгляды на нависшие над головой облака.

- Путша, поди прочь!

- Что там, Корней?!

- Угрим, да пороху ты тащи!

- Ах ты господи, запомтовали! Молитва с утра не читана!

- Пошевеливайся, пошевеливайся! Князь уж скоро будет! Не забалуешь тогда!

- Никола, а Никола! Ты у князя и так в почете, а как тюфяк ладный с порохом дашь, так хоть самому в князя!

- Ты, Никола, про нас не забывай! – вторил ему другой.

- А то скажи, что не вышло ничего! Бахнешь раз да другой, и будет.

- Да, вона, князю, видать, не надобно-то оно. Пороху вон дал, что кот наплакал! – рассмеялись невидимые в чаще мужики.

- Видать, Никола, твоего ждет! Порох из отхожих мест. – Взрыв хохота перекрыл даже завывания ветра.

- А ну, как языки укорочу! – сквозь шум и ветер донесся дерзкий молодой голос. – Взались помогать, так помогайте! Ишь, развеселились! Грехов давно не отмаливали, а?! Так нахватаетесь, что и близко к райским вратам архангелы не подпустят!

Монах свернул с дорожки и углубился в лес, идя на шум. Минута – и перед ним раскинулась небольшая поляна, на которой вокруг невеликого, кое-как сляпанного неказистого пушечного ствола, на бочонок пузатый больше похожего, суетились с десятков человек в монашеских рясах. Азартно о чем-то перекрикиваясь, люди, казалось, не замечали одиноко стоявшего человека, отсутствующим взглядом смотрящего сквозь убогую чудо-пушку. И, хотя и было понятно, что здесь он и есть главный, казалось, что тот отстранился от процесса, положившись на волю высших сил да на глотку парнишки на костылях, то и дело осаждавшего подшучивавших монахов. Пытаясь поспеть и тут и там, хромающий пацан с совершенно неожиданной прытью носился по поляне, время от времени подлетая к стоявшему чуть в стороне мужчине, чтобы, перекинувшись парой-тройкой слов, снова метаться по поляне, шустро раздавая поручения. Порою казалось даже, что главный в сегодняшнем действе – именно парнишка, а тот стоящий одиноко мужик – ну, в лучшем случае советник какой. Хотя тем, кто был знаком с этим мужчиной, это могло показаться более чем странным и совершенно ему несвойственным: это ведь не кто иной, как Николай Сергеевич Булыцкий.

Еще в Кремле будучи, получил он с гонцом письмо да требование княжье сверх уже озвученных ранее заданий: тюфяки нужны были взамен пошедших по швам при обороне Москвы. Ох, как на том взбесился трудовик!! Враз взорвавшись, буквально за шкуру вышвырнул посланца из покоев своих. Потом еще долго словами последними хаял и князя, и всех, кто на пути попадался. Благо Дмитрий Иванович в походе тогда был, а Владимир Андреевич на пару с Киприаном – на осмотре отстраивающейся после нашествия Тохтамыша Москвы. Так что буйства эти если и видел кто, так только челядь[3 - Челядь – с XI века часть зависимого населения, занятого в феодальном хозяйстве.] домашняя. А ей выходки Булыцкого чистой потехой были. Так, похихикать в тряпки да потом позубоскалить: мол, тронулся совсем умом гость-то княжий!

Нельзя сказать, что у Николая Сергеевича мыслей не было про орудия толковые: про пушки нормальные длинноствольные, а не эту жалкую карикатуру на мортиру![4 - Мортира – огнестрельное артиллерийское орудие с укороченным стволом; изначально больше походило на бочонок. Предназначалось для навесной стрельбы по укреплениям неприятеля.] Уж на что далек от дел ратных он был, да все равно понимал: тюфяки-то, те, что при обороне Белокаменной использовались, – тьфу, а не орудия! Дыму только с них да грохоту. А толку – разве что на подступах от неприятеля отбиваться да лестницы приставные сшибать. Другое нужно. Мощное да легкое. Длинноствольное! Так это мысль лишь была! Поперву ведь надо было задач

решить обоз, а тут – на тебе: княжья воля! И хоть ты тресни, но сроку – до осени. Да в помощь – Бог, артель кузнечная да собственные знания, скудные в металлургии, все больше из приключенческих книг почерпнутые.

Перебесившись да потом, уже в Троицком монастыре, остыв, принялся трудовик за дело; оно ведь отнекиваться-то бесполезно! Не забалуешь с князем! Пока мастеровых размещали, пока кузницу ладили да домницу[5 - Домница – стационарное сооружение, воздвигавшееся на довольно продолжительное время для «варки- металла. Из-за примитивной конструкции и неотработанной технологии температуры в домницах не достигали высоких значений, из-за чего таким путем добывалось лишь кричное железо.], – вот тебе и три недели улетучились. Потом – железо пока выплавили да лист металлический из него выковывали...[6 - Технология металлического литья в Московской Руси в этот период времени была неизвестна.] Затем гнуть как поняли, оно ведь тоже непросто, вот и утекли дни. А дальше толком-то и не пошло; и времени совсем мало осталось.

Ведь чтобы быстрее все пошло, для начала Булыцкий определил небольшое орудие сладить. Ну так, технологию хоть как-то отработать да Дмитрию Андреевичу хоть что показать, да от гнева его и себя, и артель свою сберечь. До последнего надеялся, что обойдется. А как гонцы к ночи прилетели с вестью о визите великого князя Московского, так и понял, что уж слишком все поспешно творится и ничего путного из этого не получится. Николай Сергеевич, расслабившись, отстранился и теперь, глядя куда-то прочь, казалось, забыл про происходящее вокруг.

Вышедши на поляну, монах, остановившись, перекрестился и принялся выискивать нужного ему человека. Заприметив трудовика[7 - Николай Сергеевич Булыцкий – историк с дополнительной ставкой преподавателя труда (см. книгу первую – «Исправленная летопись. Спасти Москву!»).], он, широко шагая, направился к пришельцу.

– Здрав будь, Никола, – приветствовал он мужчину.

– Ждан, сказал же, не замай! – не сообразив еще, кто обратился к нему, нахохлился в ответ Булыцкий, однако, придя в себя, поспешил, перекрестившись, поклониться в ответ. – Прости; на душе – хмарь.

- Бог простит.

- Благодарю, Сергей. Тебе тоже здоровья. Благослови, отче!

- Благословляю на дела благие, - Радонежский осенил крестным знаменем собеседника. - Не доведет до добра, - помолчав, кивнул он в сторону неуклюжего орудия. - Чуешь. Непокойна душа твоя.

- Твоя правда, - мрачно кивнул в ответ тот. - Не выйдет путного ничего! Беды если не сотворится, уже и на том спасибо.

- Так и не показывай! Не сотворится тогда лихого ничего!

- Князь ох как горяч бывает! Не покажешь да одну беду отведешь, так другую и накличешь, - обреченно усмехнулся преподаватель. - В порубе, вон, чего доброго, артель вся моя окажется. Кому грех тогда на душу?! Мне и грех, дело-то ясное!

- Обида в душе твоей на князя, - подумав чуть, прошептал Сергей Радонежский. - Обошелся ведь не так он с тобой, как ты того ждал, так?

- Ну, так, - чуть помявшись, искренне отвечал Николай Сергеевич.

- Себе душой не кривишь, уже дело великое, - тепло улыбнулся священнослужитель. - Отпусти, да как Спаситель велел: живи. Живи днем сегодняшним. А что там далее будет, так тому и быть. Воля на все Господа.

- По воле Господа будь все, так и Москву по новой бы отстраивали, - неуверенно отвечал пришелец. - Да я невесть зачем оказался здесь.

- Оказался, так и хвала Небесам. Сделал что надобно было, так и не кручинься, Никола. Считаешь верным, так и не показывай чудо свое. Хоть и суров князь, так отходчив. Забыл, что ли?

- Я и сам не хочу показывать-то, да Дмитрий Иванович лютует; тюфяки нужны. А то, что отходчив, - правда твоя. Вот только чтобы покаяться, согрешить поперву надобно.

– Даст Бог, оно и ладно все выйдет, – снова улыбнулся Сергей.

– Едва ли, – поморщился пенсионер, вспомнив, как возились, подгоняя технику кузнечной сварки[8 - Кузнечная сварка – метод формирования неразъемного соединения в результате ударного воздействия на разогретый до определенной температуры металл.]. Хотя уже тогда ясно было, что никуда не годится так; без заклепок-то! А где их взять для толщины такой металла? А нигде! Нет их, и делать как – непонятно. Будь там кольчуга или котелок, так и беды не было бы, а здесь... Вон, хомуты в итоге какие-то выковали, уже хорошо, но не для такого орудия, а для меньшего. Для ружей еще – куда ни шло, да и то по-другому ладить надобно. Но никак не для пушек! Лить надо, а на то – бронза. А взять и негде, Урал-то еще – под Ордой! И связи только через купцов нижегородских, да и те как-то попритихли после нашествия Тохтамышева! Или чугунные, благо крицы хватает. Да тут другая беда: для плавки ее домна нужна нормальная да система поддува соответствующая. Да тут уже кирпич нужен или плинфа, а как делать ее – Бог знает.

Вот и получается, что плавить попробуешь в домницах, так только угля переведешь зазря. Да для литья чугунного – домна плавильная нужна, да с мехами мощными, да чтобы к ним еще и привод был механический, да непрерывно работал чтобы... А те, что в деревеньках ладили, – смех, а не кузницы. В них-то и просто крицу поплавить да лист выковать – история целая, куда уж там переплавка последующая. И сплавы для стволов тоже ведь – наука целая. А как ее осваивать?! Да никак, пока хотя бы просто литья премудрость освоить! Лить чтобы – формы надо бы специальные пушечные... Вот и получалось, что в кругу каком-то замкнутом оказался Николай Сергеевич. А вырваться как – и неведомо!

– Коли в душе веры нет, так и все неладно будет, – отвлекая Булыцкого от невеселых его размышлений, укоризненно покачал головой старец. – Награда Божья приходит тем только, кто сомнения отринул да верой искренней сердце наполнил.

– А откуда, ответь, Сергей, взяться вере той, если нет ни времени, ни умения, ни инструменту ладного?! – вспылил Николай Сергеевич. – И хоть ты верь здесь, а хоть и не верь! Бог, что ли, пушки ладить придет?

– Не поминай имя Господа всуе, – укоризненно покачал головой старец. – Не гневи его, да сам во гнев не впадай. Оно, как будет, так и лучше. Вон пока с Тохтамышем поверили тебе, времени сколько прошло? А испытывали тебя потом сколько? И князь, и я? Запомню, что ль?

– Может, и прав ты, – чуть успокоился Николай Сергеевич. – Прости, отче, да чует душа, беда выйдет. – Вместо ответа Сергей лишь смиренно перекрестился.

– Так и не твой в том грех, – тепло улыбнулся схимник. – Так и не кручинься.

– Благодарю тебя, отче, – склонив голову, припал на колени Булыцкий.

– Бога благодари, и ладно оно все выйдет.

Поляна вдруг ожила. Народ, и без того будь здоров как суетившийся у орудия, забежал еще быстрее, едва лишь на опушке появились несколько вооруженных всадников. Мгновение, и вот уже к неказистому тюфяку подъехал тучный, крепкого телосложения человек.

– Здравы будьте, – обратился он к мигом склонившим головы мужчинам.

– Здрав и ты будь, – поклонились в ответ Сергей с пенсионером.

– Благослови, отче. – Спешившись, Дмитрий Иванович склонил перед старцем голову.

– Благословляю на дела добрые да на любовь с милосердием.

– Ну, показывай, чужеродец, труды свои, – получив благословление, князь обратился к Николаю Сергеевичу.

– А чего «показывай», – и без того раздраженный преподаватель тут же полез в бутылку. – Времени дал бы поперву! А то: вынь да положи! Я тебе оружейных дел мастер, что ли?

– Ох, гляди у меня, чужеродец! – резко, словно бы наткнувшись на невидимую какую-то стену, остановился Московский князь. – Все тебя учили язык-то за зубами держать, да видно попусту все. По порубу, знать, соскучился, а?

– Мож, и соскучился, – буркнул в ответ тот. – Оно лучше там гнить, чем впопыхах делать то, на что года уходят.

– Гнить, говоришь, лучше? – Резким движением Дмитрий схватился за рукоять меча.

– Не гневись, князь. – Видя, что разгорается новая ссора, мягко встал между мужами Сергей Радонежский. – Оно, конечно, не прав Никола; не подобает с князем так; не по чину. – Дмитрий Иванович удовлетворенно кивнул. – Да и ты горяч иной раз не в меру. Времени-то дал всего ничего. Что и не дал совсем. Вот и мается он, – легким кивком указал он на Николая Сергеевича, – да и сам видит; путного чего показать не выходит.

– Прости, князь, – не ожидавший такой поддержки Николай Сергеевич разом остыл.

– Бог простит! Этот?! – Гневно сверкнув глазами, князь, словно не услышав последних слов старца, подошел к творению Николая Сергеевича. – Ох и неказист! А мал чего так? Хоть бы по воробьям, да и то; пугать разве что таким. Небось и грохоту с него нет, да писк один. Пищалка, – запрокинув голову, расхохотался тот. – Пищаль![9 - Пищаль – «дудка». В славянских источниках встречается с XI века; применительно к огнестрельному оружию этот термин впервые упоминается около 1399 года.]

– Что успели, тому и рады, – зло огрызнулся Николай Сергеевич. – Сколько дал времени, то и получай.

– Опять?!

– Ну, не колдун я, князь! – взмолился Булыцкий. – Из кожи лезли вон, да что за время это сделаешь, если даже кузницы нет ладной?! Ночами не спали, а тебе опять все нелепо! Ты бы, вместо того, душу чтобы терзать, кирпичу дал!

– На что тебе кирпич, чужеродец?! Тюфяки, что ли, из него ладить? – к невероятному облегчению преподавателя, зычно расхохотался Дмитрий Иванович. – Так не пальнешь с такого! Дорог ох как получится! Давай показывай, что там у тебя! – тоже успокоился Московский князь. – А там и видно будет.

– Как скажешь, – Булыцкий решительно направился к орудию.

– Корней, прочь поди! – прикрикнул он на возившегося у орудия монаха. – Сам справлю, – принялся он деловито осматривать свое творение. Убедившись, наконец, что все в порядке, пенсионер подозвал своих помощников, которые, перекрестясь, живо зарядили орудие. – А теперь подите все отсюда. – Преподаватель мрачно сплюнул себе под ноги.

– Ты чего, Никола?

– Ежели, не дай Бог, случится чего, так и мне отвечать, – проворчал в ответ пенсионер. – Подите, я сказал! – прикрикнул Булыцкий, видя, что монахи мешкают, не зная, как поступить.

– Делайте, делайте, что чужеродец кажет, – привел их в чувство Дмитрий Иванович.

Снова перекрестясь, те молча отошли.

– Погоди же ты, Никола, – Сергей статно подошел к пожилому человеку. – Ох, и горяч ты, – осеняя того знамением, пробормотал он. – Да все, за что берешься, – дела, угодные Богу.

– Благодарю, отче.

– Бог в помощь, Никола.

– Благодарю. – Булыцкий поклонился еще раз. Потом, убедившись, что все отошли на безопасное расстояние, решительно взял просмоленную головешку и, опустившись на колени, поднес полыхающий факел к фитилю. – С Богом, – стиснув зубы, прошептал он.

Секунда, показавшаяся целой вечностью, а затем – взрыв! Булыцкий буквально каждой клеткой своего тела почувствовал, как задрожал воздух вокруг коротенького бочкообразного ствола, и через секунду воздух распорол сухой треск разгорающегося пороха вперемешку со стоном разрываемого мощным внутренним напряжением ствола. Земля взбрыкнула, сбивая Булыцкого с ног, в лицо дохнуло жаром, а слух резанул вскрик боли... как он понял чуть позже – его же собственный. Николай Сергеевич потерял сознание. Последнее, что он помнил, укоризненный голос Дмитрия:

– Что с тебя толку, чужеродец? Вон, тюфяка и то не дожدهшься с тебя; порох дорог нынче, не купишь на затеи твои. Хоть бы сделал чего, а то все – попусту!

Итак, шов, не выдержав внутреннего напряжения, лопнул, оглушив Николая Сергеевича. Впрочем, все обошлось, если не считать контузии[10 - Контузия (лат. contusio – ушиб) – общее поражение организма вследствие резкого механического воздействия (воздушной, водяной или звуковой волны, удара о землю), которое не обязательно сопровождается механическими повреждениями органов.] легкой да пораненных век. Как же возрадовался он, что к пушке с глазами закрытыми подошел, а то, не ровен час, слепым остался бы! Ну а в остальном скверно все было. Раздосадованный Дмитрий Иванович уехал назад в Москву, строго-настрога приказав Сергию присматривать за преподавателем: «Не ровен час, Богу душу отдаст! Не сочти за труд, присмотри за Николой. Да за порохом пригляди. Оно, как сердце чуяло, что путного не получится ничего; сверх привез, чтобы и дальше чужеродец не останавливался. А паче пусть сам сделает!»

На том расстроенный Дмитрий Иванович и умахнул назад в Белокаменную. Впрочем, недовольных двое было: великий князь московский и сам Николай Сергеевич. Пенсионера-то самого неудачи сплошные не меньше князя тревожили да душу терзали; не так, что ли, делает чего?! А тогда что и как переиначить, чтобы ладиться началось-то?! Хотя, оно, конечно, и оправдание было: времени действительно прошло всего три месяца, да только слабым утешением было это для неугомонного трудовика. Привыкший все делать путно, никак не мог смириться преподаватель с неудачей. А тут еще и перед князем в лужу сел. Нет, никак не годилось так дела вершить! Потому и решил Булыцкий – во что бы то ни стало даст орудия требуемые!

И если до этого страхом перед гневом князьим подгонялся, то теперь и злоба в душе проснулась; ну как же так-то?! И тут уже не за страх, а за совесть решился взяться за дело пенсионер, благо кузнецов по какой-то одному только ему ведомой причине князь повелел в монастыре оставить. А раз так, то твердо решил пришелец: едва только на ноги встанет – нос князю утрет, пушки даст назло всем обстоятельствам! Ну а пока он больше времени в келье проводил, в себя приходя.

Третья часть

Следующие несколько ночей Булыцкому не спалось. И так и сяк ворочался в келье своей тесной, пытаюсь устроиться на жестком топчане – чтобы тело, при взрыве пострадавшее, болью в каждой клеточке не отзывалось. То и дело проваливаясь в короткое, ничуть не освежающее забытие, он, к огорчению преданного Ждана, вечно сидевшего у изголовья с кадкой студеной воды и готового приложить ко лбу товарища своего смоченную тряпицу, подскакивал, не понимая ни где находится, ни кто он сам, ни кто это рядом с ним сейчас. Проснувшись, трудовик еще долго стеклянными глазами смотрел куда-то сквозь перепуганного паренька, и, казалось, сквозь сами стены крохотной кельи.

– Никола, а Никола! – тряс его за плечо тогда преданный Ждан. – Никола, что с тобой?!

– А?! Чего? – придя в себя и тяжело дыша, отвечал тот.

– Ты помолись, – вещал паренек, – на душе ведь беспокойно у тебя, вот и мучат кошмары.

– Чего?

– Маешься. А почему все? Да потому, что обиду хранишь в душе.

– На кого? Какую обиду? Зачем храню?!

– Мне-то знать почему?! Ты, Никола, помолись. Душу очисти. А лучше к Сергию на исповедь сходи завтра же дня. Отпустит он грехи твои, Никола; маяться перестанешь. А то ведь почему все? Да потому, что грех на душе когда, так и телу беспокожно, и дела не ладятся.

– А, – неопределенно отвечал трудовик, снова валясь на топчан, чтобы, беспокожно поворочавшись, опять провалиться в короткое изматывающее забытие.

И опять, словно по команде, вырывались на волю какие-то нелепые, пугающие образы: князь, Тверд, женщины, Тохтамыш. А то и Киприан, подобно кукловоду управляющий целым цирком деревянных марионеток. И ведь сколько ни пытался пришелец выпытать: а что за представление такое, все только усмехался в ответ служитель, а то и вдруг, ни с того ни с сего, слезы лить начинал да каяться. Впрочем, как казалось преподавателю, совершенно искренне. Станный он, Киприан.

– Киприан, – сквозь сон донеслось до пришельца.

– Чего тебе, владыка?!

– Киприан пожаловал, Никола. – Ждан тряс за плечо товарища, пытаюсь разбудить. – Вот и исповедуешься, а то аж вопрекл весь, бедолага. Вон черти как разошлись; всю ночь-то в горячке маялся да окоlesiцу нес.

– Что?! – Очнувшись, Николай Сергеевич не сразу и понял, что происходит. – Кто?!

– Владыка пожаловал. Митрополит Московский Киприан. Говорит, с чужеродцем перетолковать надобно бы.

– Скажи ему, нет меня, – растирая шишку на затылке, – результат взрыва протопушки, – ответил пенсионер, да тут же и осекся, наткнувшись взглядом на высокого сухого старичка, в котором, пусть и не без труда, но узнал митрополита Киевского[11 - Изначально Киприан был поставлен митрополитом Киевским, и распространил свою власть на все митрополии (в т. ч. и на Московское княжество) только после смерти митрополита Алексия, являвшегося на тот момент митрополитом Московским. Однако волей Дмитрия

Ивановича, которому Киприан был неуютен, и ценой серьезных интриг в Москву был поставлен Пимен. Киприан же так и остался митрополитом Киевским, даже короткое время находясь в Москве.]

Тот, смиренно перебирая четки, сидел в красном углу[12 - Красный угол (от ст. - слав. краснь - красивый, прекрасный; святой угол) - часть жилого помещения, где установлена икона или домашний иконостас, а также сам этот иконостас.], дожидаясь, когда его заметят. Отстраненно читая молитвы, гость, казалось, не замечает происходящего, сосредоточившись на своем занятии.

- Владыка?! - еще толком в себя не придя, выдохнул пенсионер.

- Мир в дом твой, чужеродец, - оторвавшись от своего занятия, улыбнулся Киприан. - Дело говорит Ждан, - не дожидаясь ответа, продолжал владыка. - Исповедаться надобно бы. Вон всю ночь метался; беспокойна душа твоя, Никола.

- Прости, владыка, - окончательно придя в себя, переполошился пенсионер. - Здрав будь, - склонив голову, поприветствовал Булыцкий высокого гостя.

- Мир в твой дом, чужеродец, - повторил тот, протягивая руку и через обломки печи совершая крестное знамение и над преподавателем, и над не успевшим выйти в дверь Жданом. Булыцкий, уже обученный элементарным правилам, поднялся с топчана, и, подошедши к гостю, коснулся губами руки владыки. Его же примеру последовал парнишка, после чего, поклонившись, шмыгнул прочь, негромко скрипнув дверью.

- Прости, что нагрел, - немного виновато улыбнулся гость. - От дел богоугодных отвлекаю.

- У меня, владыка, - дела мирские, - склонился в ответ пенсионер. - Богоугодные у тебя да у Сергия Радонежского.

- Прав, - подумав чуть, согласился митрополит. - Да только все одно делам нашим рука об руку идти. Одно без другого - полдела. А от полдела и до беды недалече. Это как полдобра, - закончил старец, - что помощь, да все одно с камнем за пазухой?

– Мудрено, да правда в том есть, – усмехнувшись, отвечал Николай Сергеевич. – Почто честь такая? Один почто? С Сергием свиделись уже?

– Сергей все в молитвах смиренных, отвлекать негоже от дел таких. А я, – заранее отвечая на вопрос пенсионера, – златоносец[13 - Златоносец – носящий золотые одежды. По сути – мирской человек.]. Хоть и первый из епископов[14 - Епископ – в христианской Церкви – священнослужитель третьей степени священства, также архиерей (старший священник). Первоначально обозначал старшего наставника отдельной общины последователей Иисуса Христа. Епископы надзирали за христианами конкретного города или конкретной провинции, в отличие от апостолов (преимущественно странствующих проповедников).], да, вот видишь, дело какое, больше мирской человек. Пока все иные за души агнцов битву ведут, я – за порядок ратую. Вишь вон, в тиуна[15 - Тиун (тивун) – в Древнерусском государстве – название княжеского или боярского управляющего, управителя.] божьего превратился.

– Так то сам небось и выбрал, а? – отвечал Николай Сергеевич. – Мог и отказаться, так ведь? Молитвами бы смиренными веру в душах агнцев крепил. Не тиуном бы себя звал, но пастырем.

– Хороша вера, да когда в сердцах лад. А как за душами грешки водиться начинают, так и начинается шельмовство. Каждый сам себе на уме пастырь. Каждый по-своему все воротить начинает. И уж не поймешь, что грех, а что – благодать.

– Это к чему ты сейчас? – осторожно поинтересовался Николай Сергеевич, не поняв аналогии.

– Это – к тому, что уж больно мне глядеть, как серость сердца заполняет. Фрязы[16 - Фрязы – гетуэцы. Латиняне. В свое время приложили немало усилий, чтобы не допустить митрополитства Киприана. Действовали в основном через подкуп и интриги.] как кунами[17 - Куны – деньги. Закрепилось в славянских языках в общем значении «деньги», вытесняя термин «сребро».] души православные скупают да смуту в сердцах наводят. Оно, вон, в Царьграде уже самом, и то хозяева шельмы эти да римляне!

– А вера с какого боку здесь?

– А с такого, что прав ты, чужеродец, – прикрыв глаза, негромко продолжал тот. – Единение нужно. Так, чтобы пастырей будущих поучали не каждый на свой лад; как кто возжелает, да по закону Божьему! А закону тому – единым быть должно!

– И что? – уже поняв, к чему клонит его собеседник, поинтересовался пришелец. – Мне и Сергей то же говаривал, да ум мудреца смиренного мне не понять. А дальше разговора того и не пошло ничего.

– А то, что по душе мне идея твоя с богословским университетом. Обучать пастырей будущих – дело великое. Сызмальства грехи распознавать учиться да искусам противиться, да под присмотром душ, молитвами очищенных. Оно ведь рассуди: коли единообразия нет, так и в грех скатиться недолго. В гордыне погрязнуть. Вон, как волю дали, так и раскол: те – латиняне, мы – православные. А почему? Да потому, что толкователей слова Божьего уж страсть как много поразвелось. Потому что духом слаба людина да грехам сладостным противопоставить ничего не может. Славы да почету при жизни хочется иным порой больше, чем душу свою после смерти спасти.

– Странно слышать слова такие. – Булыцкий в упор посмотрел на старика. – Еще недавно про молитвы очищающие все пели, а теперь... к чему ты все это?

– К тому, что, хоть и поклоны бьют епископы, да больше для виду все. Чин зазубрив, да смысла не понимая. А раз нет знания, так без него благочинство какое?

– Незнание – еще не грех, – осторожно возразил пенсионер.

– Нет, коли сердце доброе, а коли корыстию да страхом движим раб Божий, так тебе и вот: грех, как на ладони. И без меня небось знаешь, глотки как рвали друг другу, когда митрополита на смену Алексею ставили. Оно хоть и пастыри, а все одно в грехе погрязли. А грех тот – от незнания. А незнание – от того, что каждый сам себе на уме. А коли те, кто веру в мир нести должны, в делах мирских увязают, что про остальных-то говорить? Не должно такому быть! Едино все должно быть! А для того и университет твой потребен!

– Так помоги, – насторожился Николай Сергеевич, не ожидавший такого поворота.

– Бог в помощь да знания твои.

– Перед князем слово замолви. Он, хоть и обещание свое говаривал, да княжича молодого не торопится присылать. И Сергей хоть и подсобить обещался, да все воз и ныне там! – Булыцкий вдруг успокоился, словно бы внезапно выговорившись. – Время-то идет. А я – не вечен. Много есть чего еще сказать, да в чем помочь, да вот беда, – картинно развел он руками, – не успеть боюсь! Оно бы хоть основам начали обучать, да князь не дает. Вон, из схимников только кто да из деревенок окрест... И то ведь хоть счету обучить, чтобы вместо Тимохи-ключника хозяйство вести кому было. А толку-то?! Ну обучу с дюжину мужей, так ведь те до конца жизни мешки считать да книги амбарные вести будут, знаниями теми обладая.

– А в грядущем твоём небось каждый и считать горазд, и в чтении мастак?! – встрепенулся Киприан.

– Да каждый и горазд!

– Так и небо грехами потому небось и закоптили, что за знаниями своими возомнили невесть что о себе. Вон, смерды и безграмотны, да зато Бога боятся.

– Так и вера, пока на страхе, – не вера, а так... сам же говорил; когда любовь в сердце, так и ладно. А то...

– Невпроворот дел у старца нынче, – буркнул в ответ владыка.

– А может, обиду за что держит?! Пригрел на груди...

– Ты, чужеродец, не суди! У Сергия сейчас – дел непроворот. И ты с задумками своими тому сейчас виной! Раньше оно как было? В молитвах да в служении проводил старец время свое. А что оставалось – на послушание уходило. А теперь – в хлопотах мирских; то, вон, артель разместить, то пришлых благословить, то с лазаретом твоим!

– Откуда?

– Слыхивал, – усмехнулся священнослужитель. – Грамота приходила от Сергия.

– И чего?

– А того, что уже мысли об исцелениях души бередят да умы волнуют, – в упор глядя на собеседника, проговорил Киприан. – Да вот, вишь, дело какое, – продолжал владыка, – все решить не можем; а не против ли воли Господней такое? Вон, и в Царьград весть отправили. Как скажет Патриарх Вселенский[18 - Вселенский Патриарх- патриарший титул Царьградской Церкви; считается «первым среди равных».], так и быть тому... Тут же дело такое, одной людини судьбу переиначить хочешь, того, откопчил кто свое, так уже и не уразуметь: грех или нет. А тут... – Булыцкий востепенулся было, чтобы возразить, да вовремя предпочел промолчать, дабы не раздражать владыку. – Ладно так, – чуть помолчав, вернулся к теме своей гость, – а вон сколько просто идут на архангела хоть одним глазком взглянуть. И сами в грехе праздности, и Сергию в тягость. Ему слава твоя, – что репей в волосьях. Да и искус славой тревожит его, хоть и все с благодарностью на устах принимает старец, – вздохнув, закончил гость.

Булыцкий тоже призадумался. Он и сам уже подмечал, что тяготится Сергей Радонежский. Уж больно хлопот много свалилось на него в связи с последними событиями; и верно ведь, паломники потянулись к монастырю. Кто – прознав, что там целитель, чудеса творящий, живет. Другие – благословение получить Сергия Радонежского, спасителя Руси Московской у себя в обители приютившего. А по большей части – любопытствующие собирались, на спасителя того самого хоть бы и глазком одним, но взглянуть. Так, правда, несолоно хлебавши и возвращались по домам. Оно ведь описывали спасителя того детиной молодым десяти локтей[19 - Локоть – древняя мера длины, равнявшаяся примерно полуметру.] в высоту, в доспехах сияющих, аки солнце, с мечом огненным, да молнии мечущим, да с крылами золотыми за спиной. А что еще говаривали, так то, что судьбы каждого наперед знал, едва только взглянув в глаза. Приходили, а в монастыре все – мужи обычные, что и сами визитеры. Помыкавшись да повыспрашивав, что да как, возвращались по домам, дальше нелепицы разносить: мол, вознесся архангел тот на небеса вновь, но коли вновь беда на княжество придет, так вернется златокрылый, орды вражеские мечом своим огненным разметать чтобы.

Слушая все это, усмехался только Николай Сергеевич. Чудно слушать таковое было ему. Хотя, с другой-то стороны, и ладно, что так вышло. Его-то не трогали из-за слухов тех, за монаха обычного принимая. Но все равно покой старца порушен был безнадежно. А тут еще и Булыцкий с идеями со своими;

Университет, лазарет да с задачами княжьими... В общем, из места святого, обители тихой, Троицкий монастырь превращаться начал в центр промышленный. И, что самое страшное: Сергей – человек сам по себе смиренный и по пустякам не ропчущий – молча сносил все это. Лишь вечерами, когда шум и гвалт стихал дневной, подолгу стоял у часовни, о чем-то своем думая.

– И у князя дел невпроворот? Или слово забыл свое? – не распространяясь о думах своих, поинтересовался Николай Сергеевич.

– Ты на князя хулой не иди, – отвечал Киприан. – Не княжье то – обиды держать. Грех большой, – продолжал он. – И ты худа не твори; не наговаривай. Ты у князя в почете теперь; так то не знаю, добро это или худо.

– А чего худого-то? Хотя и хорошего, – вспомнив картину казни своих же, на которую князь повелел вытащить и Николая Сергеевича, вздрогнул пришелец, – чуть.

– Князь раньше самодурствовал зело. Ох, иной раз как дурил! Иной раз себя возомнил едва ли не Богу ровней да в дела духовные полез. Да за то – и проклят был анафемой[20 - Анафема – проклятие (устар.). В более позднее время – отлучение христианина от общения с верными и от таинств, применяемое в качестве высшего церковного наказания за тяжкие прегрешения.] церковной! За строптивость да самодурство, за гордыню да попрание воли Патриарха Вселенского.

– Проклят, говоришь? Анафемой?

– То и говорю! – насупился его собеседник.

– Ты же и проклинал, или не так?

– А чего не так-то? Как было, так и есть.

– Так не суди же: или не ты говаривал-то, а?

– А я и не сужу. То – Суд Праведный, за то, что супротив закона Божьего пошел да вехи попрал Православные. Мне так и каждый раб Божий по-своему люб.

А коли оступился кто где-то, так словом добрым наставлять буду, за законом Божьим. А коль худо будет совсем, и анафемой. Хоть и не со зла, да науки ради великой. Оно пусть бы и так! Глядишь, и образумится! Все одно лучше, чем с грехами на душе пред Богом на суде Страшном предстать!

– Ох и мудрено у тебя все, – с сомнением показал головой тот. – Оно же в Заветах так и сказано: возлюби да не суди. Или не так что-то? Иль, может, я чего не разумею?

– Так, – в знак согласия кивнул митрополит. – Да любви на всех и не напасешься. Да и не всякому она понятна-то, любовь. Вон, Сын Божий, Спаситель наш, разве не гневался? И, сделав бич из веревок, выгнал из храма всех, а также и овец и волов; и деньги у меновщиков рассыпал, а столы их опрокинул. И сказал продающим голубей: возьмите это отсюда и дома Отца Моего не делайте домом торговли! – Булыцкий промолчал, а воодушевленный Киприан между тем продолжал: – И через анафему пусть, но слово да заветы Божьи услышаны были князем великим. Да покаялся Дмитрий Иванович в грехах своих, да церкви помогать стал. Вот его да вотчину княжью – княжество Московское Бог от гибели и спас, тебя прислав.

– Воля на все Божья, – как-то машинально ответил Булыцкий.

– Видно, прогневал Бога-то где-то князь великий, что сызнова испытание ему послано.

– Что стряслось? – живо встрепенулся Николай Сергеевич.

– А то, что вновь выше Бога себя возомнил, да воли патриаршей, да думы боярской![21 - В описываемые времена власть князя еще не была абсолютной. Первый самодержец на Руси – Иван Грозный, и то лишь после уничтожения значительной части боярства. В это же время основные решения князя обязательно согласовывались с Боярской думой. Первые шаги по концентрации власти князя были предприняты с упразднением должности тысяцкого.] – впервые за все время разговора, Киприан вдруг повысил голос. – Уже учудил с Вельяминовыми[22 - Вельяминовы Василий Василевич (отец) и Иван Васильевич (сын). Василий Вельяминов был последним тысяцким на Руси, после смерти которого должность должен был принять его сын Иван. Однако пост был аннулирован Дмитрием Донским в 1374 г., что повлекло за собой ссору с Иваном,

который, покинув Русь и направившись в Золотую Орду, стал одним из зачинщиков ссоры Михаила Тверского с Московским князем.], тысяцкого[23 - Тысяцкий – должностное лицо княжеской администрации в городах средневековой Руси. Одна из функций – ограничение власти князя. Выражая ту или иную «народную волю», мог оказывать давление на князя.] не назначив, так и вот тебе! Власти захотелось, а вот тебе и смута! И времени уже двадцать лет почти минуло, так оно до сих пор аукается! А после что? Может, и от митрополита откажется? Самодержцем себя объявит, а?

– Мне как-то князь предлагал на месте его посидеть, – ухмыльнулся в ответ Николай Сергеевич. – Мол, раз умен так, то и правь! Может, ты, а? – не сводя глаз с разом скукожившегося священнослужителя, вкрадчиво поинтересовался пришелец.

– Мало власти князю! – прошипел в ответ старик. – Вон и ярлык у него, и баскаки попереверелись, а он все одно – дурить! На поле Куликовом, вон, побиили татар, так и дань платить перестали. Сейчас – снова побиили, так и нечего было снова платить, а тем паче по улусам[24 - Русь того времени – улус Золотой Орды, выплачивавший дань. К тому времени институт баскаков уже исчерпал себя, и внедрена система ярлыков, выдаваемых князьям и подтверждающих их право собирать дань с русских земель.] иди рука об руку с ворогом! Выше Бога возомнил!

– Да с чего решил-то ты так? – невольно, вслед за митрополитом, начал набирать обороты Булыцкий. – С того, что Москву отбил у Тохтамыша?

– С того, что против воли Господней Тохтамыша пощадил да по землям соседским пошел в поход без митрополитова благословения! О том, что душ православных, как рабов, в полон поганому дал набрать! О том, что у него же и выкупил, да на землях московских расселил!!

– Ты, отче, определись да брехню мне не городи! – расвирепел вдруг пенсионер. – А то как ладно все да по-твоему, так и воля Господа. Как что не так – так анафемствовать! Ты мне тут не говори про то, что князь выше Бога себя ставит! Ты на себя оборотись поперву! А то, как щитом, именем его прикрываешься! А не грех ли то, а?! – Привстав со скамейки, преподаватель буквально навис над собеседником.

– Одумайся, грешник! – Привстав вслед за Булыцким, гость также повысил голос. – За слова такие – анафему и тебе до веков окончания! В чем волю высшую узрел-то, а?!

– А я по-твоему, владыка, сужу! – азартно оскалился трудовик. – Может, то, говоришь о чем, испытание Божье? Знак, может?! – в упор на гостя посмотрел Николай Сергеевич. – Но не князю, а тебе? Мож, ты чего не так замыслил?

– Ты, чужеродец, Господа не гневи да честь знай! А то, смотри, и тебе анафема будет! Богу угодно, чтобы Русь с колен поднялась да земли православные вокруг себя собирала! Богу угодно, чтобы латиняне верх не взяли, да православие по миру шло!

– А латиняне тебе что, не Божьи дети? Не Бог, да кто-то иной создал их, а?

– Един Господь, едина вера, едино Крещение и Церковь едина! – метая молнии, прошипел Киприан. – И отступившим от канонов еретиками и раскольниками зваться, имя Господа поправшими! И анафема на них вечная, и в геенне огненной гореть во веки веков за то, что к Церкви спиною обернулись!

– Да где сказано то?! Спаситель про веру да любовь больше говаривал, а не про то, как крещения обряд проходить, да кого как звать, да каким перстом креститься! На отступника, да и то злобы не держал, простивши, а ты судить все рвешься!

– Я души заблудших спасаю да смуте великой не даю по землям русским пойти!

– Крестоносцы, вон, тоже души спасали, да крови пролили моря, да вражду навсегда посеяли между народами!

– А Спаситель наш кровь не лил, что ли?! Во спасение ради душ заблудших надругательства да побои сносил?! Кровию своею за спасение остальных не платил ли?! Не своею ли смертью поучал неразумных? Всех за собою позвал до одного! И смертью своею мучительной свет христианства пролил в мире варварском. И те, кто за ним пошел, души муками очищая, не во спасение ли мира жертвы великие несли?! Так не для того они все крест на себя этот взяли, чтобы смута потом по следам их потянулась! Латиняне слово его по-своему разумели, да каноны переписали, а за ними от веры спасительной отвернулись,

на муки вечные себя обрекли![25 - Имеется в виду церковный раскол 1054 года, окончательно разделивший церковь на Православную с центром в Константинополе и отделившуюся от нее Римско-католическую с центром в Риме. Причины раскола носили дисциплинарный, догматический, канонический и литургический характер.] И долг святой – образумить их да в Церкви Святой лоно вернуть во спасение душ их же!!! Законы – они для всех! Да хоть бы самый праведный закон был, что толку с него, коли не ведает половина, а те, кто слыхивал, половина по-своему понимает?! Один по-своему ладит, другой – понимает, третий – творит. Вот тебе и разлад! Вселенские соборы[26 - Вселенские соборы – собрания преимущественно верхушки христианской Церкви, на которые выносились вопросы и принимались решения доктринального, церковно-политического и судебно-дисциплинарного характера.] вон, и те от раскола да смуты не спасают!

– И для того тебе только университет нужен; законы чтобы знали все да понимали едино, – преподаватель резко перевел разговор в нужное ему русло.

– Для того, – подтвердил Киприан.

– А науки как? Что толку с богословия, если науками о мире окружающем не подтверждено.

– Мир есть Бог. Кому глас Божий услышать дано, тому никакие науки бесовские и не нужны. А тем паче смерть да тлен несущие за собою!

– А кому не дано, а?! – Булыцкий прямо впился взглядом в собеседника. Киприан промолчал, не найдя ответа на этот вопрос. – То-то и оно, – вздохнул Николай Сергеевич. – Хоть и с тобою, а хоть и без тебя, буду поучать мальцов. Глядишь, и прорастет чего из зерен, в землю брошенных.

– Мальцов учишь да братию, – ушел от прямого ответа митрополит. – А далее что?

– А дальше... – замолчал Николай Сергеевич. – Дальше. Люд ученый нужен. Грамоте да счету обучим. Слово Божье – Сергей донесет, ибо нет лучше пастыря. Кое-что из наук грядущего я дам. А потом и не знаю. На тебя, владыка, и надежда вся. Не обессудь, что наговорил тебе...

– А ты, чужеродец, хоть и крамолу глаголишь, да и в ней толк есть, – глухо, не глядя на собеседника, выдавил митрополит. – А надежда на Бога-то вся, но не на меня. Пути его неисповедимы. Угодно как, так и будет университет.

– Бог, что ли, люд ученый созовет в Москву со всех краин?! Бог, что ли, разместит их?

– А кто?

– На тебя сейчас поболее надежды, владыка, – покачал головой Николай Сергеевич.

– Да где же я тебе люд ученый найду-то?! – облегченно развел руками владыка. Так, словно малой, внезапно нашедший веское себе оправдание.

– Вон, греков бери! Среди них люда ученого ох как много!

– Греки все больше в Киевское княжество да в Нижегородское идут. Туда, где книги переписывают. Хотя за слово дельное – спасибо.

– Так и что теперь? – Уголки губ Киприана поползли вверх. – Ратью, что ль, на княжества идти те, а? – буквально впившись взглядом в собеседника, продолжал жать слугитель Господа. – Так сейчас каждый муж ладный – дар. От ордынцев и отбились хоть, да все одно – на коленях. Я князя великого благословил на отказ от выплаты дани, да все одно: тот по-своему учудил все! И дань оставил, и, кунами ослепленный, по соседям пошел.

– А то, что ворогов на колени поставил? Тех, кто еще вчера мечи поднять на княжество Московское готовы были?

– Что есть, то есть. И то слава Богу, что войны междоусобные пусть и мечом, да все усмирил, – прикрыв глаза, страстно прошептал Киприан. – А то, что Орды убоился, так и худо. От диавола то, – печально закончил митрополит. – «Не Орда Донского страшит, да Тимур, что над Ордой меч свой держит», – хотел ответить Николай Сергеевич, да промолчал, сообразив, что, если Дмитрий Иванович не счел необходимым посвятить в планы свои митрополита, то и ему, простому пришельцу, негоже в интриги эти нос казать. Не того полета птица.

– Так в Царьграде. И в Болгарии. И в Литве люд ученый есть, – вместо этого отвечал учитель, – там везде люд ученый. Там и спрашивать.

– В Царьграде сейчас смута паче Орды. Отцы сынов на престоле сменяют, да друг против друга сети плетут. Фрязы, вон, масла подливают, а они – сила. А еще большая сила – куны, что сулят щедро шельмам, до золота падким. Да что там шельмы?! – горячо продолжал владыка. – Даже на князя нашего Дмитрия силу да власть имеют. Вон сколько золота у них взяли, именем Дмитрия Ивановича прикрывшись[27 - Послы, направившиеся в Царьград, чтобы не допустить рукоположения Киприана, заручившись согласием Дмитрия Донского, брали большие займы у генуэзцев, идя на подкуп духовных лиц и лоббируя интересы Дмитрия Ивановича.]. Да и в Литве сейчас неспокойно. Вон у Ольгерда под ногами земля горит. Своих бы удержать; куда там другим давать?

– Не сможешь, значит? – в упор на него посмотрел Булыцкий.

– В Болгарии есть люди верные, – спокойно выдержав взгляд, отвечал митрополит. – Может, и из Киевского княжества кого удастся пригласить. Люд надежный есть, да ведь растолковать надобно бы, почто им ученых своих в Московское княжество отправлять, – пожал плечами он. – Чего у себя не держать-то?

– А по то, что недолго Царьграду осталось, – почувствовал жилу, горячо принялся растолковывать Булыцкий. – Сам не хуже, а лучше меня знаешь, что творится там! Так то – сейчас! А там, за замаятыми своими, и не заметят, как османы к стенам подойдут. Падет гряд великий, – видя, как судорожно крестится его собеседник, подлил масла в огонь преподаватель, – скоро уже! И хоть князь, хулишь которого ты сейчас, на подмогу серебра вышлет Царьграду столько, что и Тохтамышу не снилось[28 - По настоянию Киприана, русский князь принес в дар 20 000 серебром для поддержки оказавшегося в весьма затруднительном положении Царьграда. Это произошло в 1598 году.], все одно, не спасет оно его. Падет цитадель! А вместе с ним и слава Рима Второго. А там и хоругвь православная поникнет и в Царьграде, и в Болгарии, и в Литовском княжестве! Османам да фрязам твоим раздолье будет!

– Типун тебе на язык!!! – взвыл владыка. – Не дай Бог, чтобы латиняне в Болгарию пришли!

– Туда латиняне ни ногой. Там османы будут....

– Не бывать тому! – гневно сверкнув глазами, выкрикнул Киприан. – Не может быть такого, чтобы православие на колени упало!

– Да не упадет, – смягчился пенсионер. – Руси хоругвь эту нести – задача на века оставшиеся. Центром, что земли объединит вокруг себя, да примирит врагов лютых.

– Ну, слава Богу, – с облегчением перекрестился митрополит.

– Больше я тебе скажу: разрастется княжество, да станет на полмира. И до того дойдет, что будут бок о бок жить здесь и латиняне, и православные, и те, кто с Кораном в руках в мир идут. Непростое соседство то будет, – внимательно следя за реакцией Киприана, негромко продолжал мужчина, – да те, кто любовь настоящую в сердце хранит, найдут, чему друг у друга научиться. Прочие же – сами себе на уме.

– Замолкни, чужеродец, – прошипел лишь в ответ Бугыцнит. – Ох, в грех не вводи!

– Что замолкни? Не нравится? – оскалился в ответ тот. – Все вы так! Пока чужеродец то, что слуху любо, глаголить начинает, так все и рады. – А как что нелепое, так на кол, в поруб, да замолкни!

– Замолкни! – истово крестя Николая Сергеевича, прошипел священнослужитель.

– А кто научить просил, что да как говорить?! – оскалился в ответ преподаватель. – А кто за советом явился?! Ты ко мне пришел, а не я к тебе! Я от мира ушел, отринув то, что ведомо мне, да теперь лишь делаю, что князю обещал! – подавшись вперед, яростно выплевывал слова Николай Сергеевич. – Ан нет! Чужеродец знает все, да на все ответ есть у него! Значит, к чужеродцу и дорога прямая! А кто я для тебя, а? Да потешный! Юродивый!

– Да что ты, чужеродец?! – отпрянул назад владыка. – На себя-то не наговаривай, да на других хулу не кажи! С чего ты мне вдруг и юродивый?

– А чего по имени не зовешь, а?! А чего чужеродцем все кличешь?! Все одно, что медведя в клетки! – Николай Сергеевич выплеснул на митрополита остатки гнева.

– Есть правда в словах твоих, – закрыв глаза и вновь перекрестившись, отвечал старик. – Прости, коли не так чего, да уж больно слова твои жестоки. – Оба замолчали, словно думая, что теперь делать. Так и сидели, не проронив ни слова более. Уже и лучина, догорев, истлела, обронив угольки в подставленную снизу кадуюшку, и те с недовольным шипением погрузились в воду. Уже и Ждан, в предбаннике поджидающий, проковылял в помещение и, запалив новую лучину, так же неловко исчез за перегородкой, а они все молчали; каждый о своем. Киприан – потому, что в думы невеселые погрузился. Булыцкий – потому, что, честно сказать, достало его это все. Хотя чего удивляться?! Вон Сергей предупреждал его, когда говорил о том, что не дадут покоя. Всякому грядущее знать зело хочется. Хоть бы и грехом это было.

Первым нарушил молчание митрополит. Вздохнув горестно и перекрестившись, обратился он снова к пенсионеру:

– Кажешь, что хоругвь попанную православия Руси Великой нести труд будет? – с надеждой посмотрел тот на Булыцкого.

– То и кажу. – Николай Сергеевич лишь устало пожал плечами.

– И надежды никакой нет – чашу сию отвернуть?

– Османов, что ли, на колени поставить хочешь? – усмехнулся в ответ преподаватель. – Только если так! – В глазах митрополита вспыхнули сумасшедшие огоньки. – Да ты помни, что тут и латиняне мечи точат, – осадил владыку пенсионер. – Ты лишь повернись спиной, рать отправив в поход. Придут.

– Дай университет, а я, по-твоему будь, люд ученый созову, – буквально взмолился митрополит.

– Дмитрию про княжича напомни. Поторопи; он же, чай, вернулся с победой великой?

– Потороплю, – в знак согласия кивнул головой тот. – А паче, сам на поклон иди. В столице тебе ловчее будет, да воля Божья, а с ней и митрополит Руси Московской – в помощь.

На том разговор и закончился. Потом уже, когда гость успокоился, как положено, разговор о другом потек, да так, что кликнул Булыцкий Ждана, да трав душистых заварить велел ему. В беседах провели остаток вечера. Пенсионер рассказывал о том да о сем из грядущего. Митрополит слушал внимательно, дивясь и охая от удивления, а чаще от возмущения.

Вот и печка, что, случаем воспользовавшись, сладил Николай Сергеевич в келье своей, поразила. Она, хоть и неказиста, – из камней, что от домницы кузнечной остались, смастрячил ее пенсионер, – да уже потрескалась и кое-где развалилась, но все равно тепло держала. И короб, дым выводящий, – так вообще восхитил; ни тебе угару, ни копоти, ни сажи. А еще и избу ненароком не спалишь, а тепло теперь – так постоянно.

– Теперь вижу, что ты не только ратных дел мастер, но и ремесловый золотой, – кивком указал он на печь. – Толковая да необходимая. Зимой, думать надо, хороша?

– Да уж получше очага открытого, – согласился преподаватель.

– А Сергей что? Никак в кельях поставить такие повелел?

– Сергей? Запретил. «Блага да нега от трудов во славу Божью только и отвлекают». Так сказал он.

– Сергей – духом силен, – задумчиво пробормотал собеседник. – По натуре своей схимник кроткий, но от своего не отступит. Вера в нем великая. Таких бы боле на Руси, так уже давно бы центром православия быть ей. Ты, Никола, в следующий раз, как с ним беседу вести будешь, на то указывай, что для людей простых это. Что и хворей меньше будет, да и еще чего вспомнишь.

– Благодарю, владыка, – кивнул преподаватель, – за науку.

– Окажи честь, – улыбнувшись, попросил митрополит, – пойдём, покажешь, что у тебя да как в хозяйстве.

– Как скажешь, владыка.

Экскурсия эта затянулась дольше, чем рассчитывал Булыцкий. Визитеру все было интересно. Живо разглядывал он ряд готовых к закладке селитровых ям, расспрашивая и про технологию, и вообще про то, как чужеродец шансы оценивает на успех. Затем к новоделу: сруб, в котором Николай Сергеевич школу замыслил, и беседку, где, по введенному с недавних пор обычаю, монахи проводили время, размышляя над партиями. Здесь, правда, нахмурился Киприан[29 - Шахматы долго не признавались церковью, считаясь бесовскими игрищами.], но дальше этого и не пошло, хотя и видно было: недоволен митрополит. Потом и поле футбольное посмотрели, где юнцы в футбол днями гоняли, и брусья, и место отхожее, и кабинку душевую, и грядки, на зиму ветками еловыми щедро укрытые. Все это, хоть по меркам века двадцать первого – тьфу, а не диковины, но на гостя впечатление произвело должное; все дивился он, да примерял в Белокаменной новшества, то и дело проща будущее великое ремесловому делу с руками золотыми. В общем, до вечера провел у Булыцкого время высокий гость, а как смеркаться начало, откланялся и к Сергию засобирался.

– Ох, чуж... Никола, – поправился, спохватившись, он, – сила в тебе великая. Тебе с руками да смекалкой своей – к Белокаменной бы поближе. Оно ведь и тебе ладно: твоим словам – в помощь еще и воля митрополита. Да и рукастых сейчас – пруд пруди; что надо – живо помогут. И Сергию – отрада. Оно, наконец, покой его нарушать не будет никто. Снова служению Богу посвятит себя всецело. А князю, так вообще – почет да слава. Москва – центром станет, откуда по миру диковины растекаться будут, и тебе люд ученый окрест соберется. И вон уж изба свободная для тебя, Никола, есть. И, вообще, мужик ты ладный: бабы любой так мечта. Я с Сергием переговорю, что он-то скажет, то и слава Богу.

– О бабе, что ли?! – удивленно посмотрел Булыцкий на собеседника.

– Надобно коли, так и о ней.

– Ты тогда уж мне позволь дело это самому сладить.

– Как скажешь. А раз так, то поговорю, чтобы Сергей тебя в Белокаменную отпустил, к князю поближе.

– Спасибо, владыка, – дипломатично ушел от ответа Николай Сергеевич. – Оно, как со слов твоих, так и мед сладкий. А как Богу угодно будет, так и быть тому.

Ничего не молвил в ответ Киприан, да только улыбнулся в ответ. Вот только не понравилась улыбка эта Николаю Сергеевичу. Настолько, что аж мурашки по спине пробежались.

Четвертая часть

Митрополит в монастыре пробыл еще неделю, все больше времени в беседах с Сергием да братией проводя. При этом все свободное от молитв да от общения со схимниками время посвящал разговорам с Николаем Сергеевичем, темы, правда, большие стороной обходя. Ну и диковинам необычным поражаясь. И вроде простые иной раз вещи ладил пенсионер – те, без которых уже и не мыслил себе жизни, а гостю они – что сокровища невиданные. Предбанник тот же при входе в келью. Оно и материала вроде немного ушло, а все равно тепла пусть чуть, но больше сохранялось. И, хоть в богатых избах не диковина совсем, но в землянках да кельях пока никто и не строил такие.

Или стеллаж мобильный взять для свитков берестяных. Тот, что Булыцкий по образу и подобию икеевских собрал. Всех дел-то – прямых стволов молодого орешника настругать, зарубок правильных наделать, да поперевязать их тесемками так, чтобы каркас получился более или менее жесткий, а между направляющими рогожку закрепить. И без гвоздей драгоценных и винтов, пока еще невиданных, обошлось. Тыфу вроде, а Киприан в восторге был. Долго изучал он конструкцию; зарисовки даже какие-то там сделал на берестяном свитке-то.

Еще – что поразило, – так это картофель. Специально из погреба достал Николай Сергеевич пару корнеплодов, да как смог потушил с грибочками да овощами. Не бог весть, конечно, получилось, но и того хватило, чтобы поразить и Сергия, и владыку. А как показал, сколько из дюжины картофелин снять удалось «ягоды земляной», так и просто пораженно замолчали оба старика, и так и сляк прикидывая; а с чети это сколько получится-то. Булыцкий же, почувствовав

интерес, кликнул Ждана да повелел принести кувшин с припасенными для посева пшеничными зернами. Уж сколько Николай Сергеевич дворов обошел летом, в кувшинчики по полгорсти, по горсти собирая зернышки покрупнее, чтобы потом, вечерами, уже когда и верный Ждан вовсю сопел у себя на топчане, перебирать уже собранные сокровища, выбирая самые крупные из них на посев следующего года.

- Так, Никола, - почесав затылок, застыл тот в дверном проеме, - нет ее уже.

- Чего? - поперхнувшись, пенсионер обалдело уставился на товарища.

- Того, - спокойно отвечал тот, - что пшеница хороша была! Крупна! В кашу-то и в самый раз.

- Какая каша, балда!!! - аж подскочил на ноги преподаватель.

- Обычная каша, - не понимая, чего это вдруг взъелся его товарищ, отвечал парень. - Дело-то обычное: крупную да ладную - в каши. Мелочь - в землю. Чего возиться-то с ней, - Ждан просто пожал плечами.

- А что не так-то, Никола? - вступился Сергей. - Испокон веков заведено так: оно, что покрупней, так и в пищу. Что помельче, так и на посев. - И, видя недоумение пенсионера, спокойно пояснил. - Чего там с той мелочи? Шелуха одна, да и только. Ее кроме как в посев, и некуда больше.

- Прости, Ждан, - поняв, что здесь сам опростоволосился, Николай Сергеевич только и развел руками. - Знать ведь не знал и думать не думал, что так вот оно. Наоборот теперь будет: что покрупнее - на посев, остальное - на стол.

- Да как же так-то? - изумились его собеседники.

- А так, что детки крепки у тех, кто и сам силен да могуч. А хил если кто, так и отпрыскам того, виднее всего, не сулит богатырем стать. Оно то же и здесь: посеешь что, то и жать будешь[30 - Имеются в виду простейшие виды селекции, позволяющие увеличить урожайность. Впрочем, о выводе новых сортов пшеницы речи при таких методах не идет.]. Хилое семя и всходы даст такие же. Как семя сильно, так и урожай по осени будет - глазу отрада, Бог

ежели погоду даст да не погубит всходы.

- Да ну!

- А вот тебе и «да ну!».

- Так и отрада?

- Истину говорю! - перекрестился Николай Сергеевич. Потом, упомнив, как порой слова его воспринимались, добавив поспешил. - Да не разом, конечно. Два или три хотя бы лета. А еще - землю иначе возделывать, так и овощ диковинный расти будет, да и не с вошь размером, но во! - сжав кулак, продемонстрировал он собравшимся размер. - Хоть бы и огурец, а хоть и свекла да картофеля. Это сейчас с чети[31 - Четь - мера площади - 1/2 десятины засеянной земли, примерно 0,5 гектара.] вашей урожай весь - три кузовка. А времени пройдет чуть, так и снимать его намаешься! - разошедшись, продолжал трудовик. - Стекло бы еще научиться делать! Так и в зиму можно высаживать ростки.

- Ох, князю отрада будет! - восхищенно всплеснул руками Киприан. - Оно, вон, уже сейчас чем ораву полоненных кормить - Бог ведает. Где Тохтамыш с ордою своею прошел, там пожгли все. А что не успели, так то Дмитрия Ивановича дружины и потоптали. И с княжеств не взять толком ничего, ни у бояр. Сгубили урожай! А народу сколько с ним! Оно вроде как и ладно, что ремесловые появились, а глядишь, уже где-то и кору с деревьев снимать начинают, что на стол поставить-то и нечего. Оно, пока дружина княжеская рядом, так и не буянят ни смерды[32 - Смерд - человек, принадлежащий князю, но не раб и не крепостной (в те времена крепостное право еще не было оформлено).] напуганные, ни бояре[33 - Бояре во времена Московской Руси - элита. Вотчинники. Представители высшего сословия. Независимые (получившие земли не от князя, а потому и не зависящие от него - люди, держащие в подчинении земли и холопов. В т. ч. и боевых. В ряде случаев профессиональные военные, по могуществу и влиянию превосходившие удельных князей.] битые. Так то пока, да спиной все одно не поворачивайся к таким.

- Во дела, - Николай Сергеевич от удивления аж присел. - А князь-то что?

– Князь с благословения моего – подаяния народу, да на семью по пуду пшеницы да проса, – важно отвечал митрополит. – Да бояр, что позажиточней, обязал инородцев содержать, на землях их расселенных.

– За просто так, что ли?

– Выходит так, – подумав, отвечал тот.

– И что? Бояре-то не буянят?

– Бояре сейчас сами смерть как боятся. В походе столько их повысекли за то, что холопов своих боевых против армии объединенной подняли, да и теперь не щадят. Грех! – вспыхнул свяженослужитель. Потом, подумав, негромко добавил. – Оно же и не подумали прежде похода, ораву чем такую кормить. Зубами полоненные пока скрипят да помаленьку тикать назад начинают. Уже и воеводы по тропам рыщут, ловят, страшат, а – все одно – с голодудохнуть никому не надобно. Смерды с холопами[34 - Холоп – раб.] ладно если тикают, а кто погорячей, так и против бояр зубы точат... Ушкуйники[35 - Ушкуйник – здесь купец. В более широком значении – разбойник, вольный человек, нанимавшийся в вооруженную дружину купцов и бояр, занимавшихся торговлей и разбоями по Каме и Волге. Название получили по торговым судам (ушкуям), на которых ходили в походы.] лютуют. Вот и по Оке вниз пошли, так после них – Мамай[36 - Мамай – темник Золотой Орды, претендовавший на великое ханство, но не являвшийся чингизидом.] святого чище, – горестно вздохнул митрополит. Вон, бояре об отъезде говаривать начинают. И те, кто в Москве остался при осаде, и те, кто от греха утек, да потом вернулись. Оно еще неизвестно, что верней: оставаться и в страхе жить, или отъезжать да и в лапы лихим попасть. Оно ведь самые крепкие головы сложили, а те, кто худые, так и князя проклинаяют!

– Чего так-то?

– А так-то, – оскалился вдруг старик, – что в слова твои князь уверовал да твердо решил при жизни своей еще Москву столицей княжества объединенного сделать! Да дурить начал, окаянный! – гневно закончил владыка.

– А на меня обида какая?! – оскалился в ответ трудовик. – Я, что ли, дела лихие творю?!

– Ты... – буквально взвился собеседник. – Ты, чужеродец, уж больно песни петь горазд, да в песнях твоих еще, кто знает, больше чего: от Бога или от дьявола! Ладные! Заслушаешься! Все разом, что кулак! Князь – един! А как до дела доходит, так и беда!

– Ты, владыка, не лихословь, – прежде, чем Николай Сергеевич взорвался, взял слово Сергей. – Волен человек; слова словами, но путь свой каждый сам творит. Каждому решать, какими терниями идти. Никола много чего ладного говорил, да не было и речи о том, чтобы на соседей идти или, тем паче, в полон сгонять народу тьму-тьмущую. То княжья воля была, с благословения моего. На наших душах грех тот, – жестом остановил он собравшегося что-то сказать Булыцкого. – Еще неведомо, что было бы, кабы по воле твоей Тохтамыш казнили да на Орду пошли бы! – повысил он голос, да так, что стоящий в дверях Ждан предпочел исчезнуть в предбаннике.

– А у соседей что же? Купцов отправить за харчем, да и дело с концом, – сбавляя накал, вставил Булыцкий. – Не везде же Тохтамыш прошел! У соседей вон скупиться!

– Так и сказано же тебе; беспокойно нынче стало, – успокоившись, отвечал Киприан. – Оно по лесам теперь лихих – прорва. С земель своих сорванные да на гибель оставленные, потикали от воевод княжьих. Караваны купеческие с дружинами только и ходят. А к каждому-то купцу по ратнику и не приставишь.

– Ну и дела, – только и развел руками пенсионер.

– Вот такие дела, – отвечал ему Киприан.

На том и закончили. Раскланявшись с хозяином, старцы покинули келью, оставив Николая Сергеевича наедине со своими думами невеселыми.

– Грех оно великий, в грядущее заглядывать, – оторвал его от размышлений Ждан. – А почему все? Да потому, что переладить по-своему все – соблазн велик, да судьбы чужие переправить.

– Тебе-то что с того?

– Мне – страх за тебя, Никола, – подумав, отвечал парнишка. – Ты-то как лучше все хочешь; без умыслу злого. Вон, даже Сергей говаривал: от Бога ты, но не от дьявола. Тебе знание твое видится во благо для княжества Московского, а кому оно – себе в угоду лишь. А почему все так? Да потому, что слаба людина перед соблазнами; хочется себя наравне с Богом поставить, да все твоими, Никола, стараниями.

– Ну так и что, – усмехнулся в ответ пенсионер. – Руки, что ли, на себя наложить, чтобы знаниями своими в грех не вводить?

– Что ты, Никола! – замахал руками парень. – Грех великий! И свою душу замараешь, и на место святое грех наведешь!

– Значит, других с панталыку сбивать?

– Молиться тебе, Никола, надо. Молиться, – с жаром подался вперед парнишка. – А почему все? Да потому, что очищает молитва смиренная душу от скверны!

– Молиться, – усмехнулся в ответ тот. – Святая ты, Ждан, душа, да на том уже и спасибо.

Уже на следующий день приморозило и выпал первый снег. Обильный. Добрый. Щедро засыпав студеную землю, он, переливаясь и серебрясь на солнце, наполнял все вокруг светом, бережно укрыл ветви деревьев и смерзшуюся землю. Засобирался назад в Москву Киприан. Благословив Радонежского и Николая Сергеевича, он, погрузившись в сани, отправился восвояси, оставив в покое и уже почти восстановившегося трудовика, и утомленного Сергея.

Вслед выпавшему первому снегу вскоре вновь пришла распутица. Прихваченная было морозцем земля взбухла, превратившись в кашу, да так, что и самые утопанные тропинки разом негодные стали для ходьбы; ну не дорожка, а тина склизкая! Теперь разве что мостки спасали, перекинутые между кельями да хозяйственными постройками; только по ним было теперь возможно перемещаться. Да ведь и не очень-то и хотелось. Монахи, ну, за исключением самых деловитых, теперь и носу на улицу не казали, углубившись в молитвы и отвлекаясь лишь для послушания да выполнения необходимых работ. Булыцкий тоже, памятуя о вечных своих болях в поясице, решил отсидеться

в келье.

Вот печь только, из камней наспех собранная, развалилась, чему Николай Сергеевич, честно сказать, даже и обрадовался. Оно из-за того, что камни все разных размеров да формы были, конструкция убогая вышла, да и с тягой не заладилось. Так что чадила эта печь – будь здоров! По сравнению с открытым очагом, конечно – меньше, но все-таки. С другой стороны, Киприан печь эту покосившуюся увидеть увидал да оценить успел. И про кирпич услышал. А раз так, то можно и на его помощь рассчитывать, если потребуется. А то, что просить высшие силы придется, так преподаватель в этом ни капельки не сомневался.

Вот теперь, сидя в келье перед обрушившейся конструкцией, решился на вторую попытку с производством валенок. Оно и сезон подошел как раз, и материалу еще с прошлой поездки в Москву припасено достаточно для экспериментов было, и инструмент готов, и спешки, как тем летом, не было. В общем, все так сложилось, что Николай Сергеевич мог посвятить несколько дней налаживанию нового производства.

Новый продукт, новая технология, новые перспективы. К тому же, хоть и виду не показывал, да переживал Булыцкий из-за того, что с князем в последний раз так рассорились. Все-таки, как оно там ни крути, а без поддержки Дмитрия Ивановича ни о каких серьезных успехах с задумками пенсионера мечтать и не приходилось, пусть бы даже и имея за спиной такого союзника, как Киприан. Да и союзник ли?! Оно и не понял Николай Сергеевич владыку. Пока диковины – так и лад, а как про науки, с коими диковины эти творить, так и хмур священнослужитель становился; ну, туча черная! Хоть и не заикайся! А просто небо коптить, праздно доживая век свой, да за прошлые заслуги гордиться ну совсем не хотелось Николаю Сергеевичу. А раз так, то с помощью Божьей, да со смекалкой своей, да с братией следовало попытаться реализовать хотя бы часть задуманного.

А вот для этого и власть княжья да сила его нужна была. Ведь хоть и были среди схимников Троицкого монастыря толковые мастеровые, готовые во всем поддержать Булыцкого, но знаний все равно не хватало! Вон и с кирпичом намаялся, да толку-то?! То пережженный получался, да так, что как труха рассыпался от нажатия несильного. То недожженный и непрочный оттого. То вроде и с обжигом нормально все, да на пемзу больше похож и хрупок, что в руки страшно брать было, не то что ладить из него что-то. А то и просто

слипался в одну монолитную массу, да так, что теперь и ума приложить не мог пришелец; а что теперь с этими «поленницами» глиняными делать? Разбирать? Так все равно кирпич – не кирпич, а так – смех. А использовать под хозяйственные нужды слипшиеся эти штабеля пока не представлялось возможным. А без кирпича – ни домны нормальной, ни печей домашних, ни стекла! Ничего. В общем, замиряться надо было с князем. Не прав был он, конечно, ну да и Булыцкий, по обыкновению своему, тоже дров наломал. Нет чтобы проораться дать Дмитрию Ивановичу да смолчать! Нет! Надо же было самому в крик податься...

Помощники нужны были. И хоть были готовые «к любому кипешу» схимники, а все одно неудобно было в который раз просить их о помощи, и без того скудное время, остающееся на послушание, утягивая. Да и потом, не на час занятие это, но на несколько дней. Так что пришлось выискивать другие варианты. Впрочем, вот тут-то проблема решилась просто – в помощь вызвался тот самый кузнец, сына которого в свое время так выручил пришелец, кость сломанную вправив. Памятуя о чудесном исцелении, по первой же просьбе отправил кузнец сынов своих – Оскола, Гойку да Борича – в помощь. А раз так, то, едва дождавшись и накормив парней, Булыцкий, проклиная и ругая тесноту кельи[37 - Средний рост человека в те времена был значительно ниже человека современного. Частично этим и объясняется теснота келий.], принялся за работу.

Заранее закупленная шерсть еще за лето была расщипана да вычесана. С другой стороны, подстраховываясь, решил пенсионер рассказать да показать все тонкости технологии производства невиданной обуви, поэтому и начал с азов. Сначала заготовки; шерсть как следует очистили, перебрав буквально по ниточке, а затем толстым слоем выложили в специальные формы в виде огромных носков.

– Кому же впору такой, Никола? – поразился верный Ждан. – Мож, поменьше?

– Усядет он, – улыбнулся в ответ пенсионер. – Прямо хоть бы и тебе впрок станет.

– Да, ну?! – восхитился пропустивший летом первую волну этой эпопеи парнишка. – Невидаль.

– То ли еще будет!

Вооружившись скалками, парни, сменяя друг друга, принялись за самый трудоемкий процесс: раскатывание войлочных заготовок. Следя за процессом и подробно рассказывая тонкости, пенсионер то и дело кипятком проливал материал, придавая ему плотность и эластичность. Совсем немного времени – и по пояс голые тела заблестели от выступившей влаги, а сквозь прогорклый смрад гари пробился терпкий запах пота.

– Гляди, Ждан, – кивнул Булыцкий на изрядно уменьшившийся кусок материала. – А ты говорил: большой! – Смахнув со лба пот, он снова взялся за инструмент и принялся активно раскатывать заготовку. – Давай, мальцы! – довольный результатом, кивнул пожилой человек. – Нам еще ох как повозиться!

– Невидаль, – едва ли не хором восхищенно отозвались те...

Уже к вечеру ближе Николай Сергеевич решил, что достаточно. Войлочные заготовки получились достаточно добротными и плотными. Разве что с размером, порядком отвыкший от таких работ, пенсионер промахнулся. Мала обувка получилась; уж слишком сильно усела. Мальцу разве что на ногу. Ну да ладно; не ошибается тот, кто ничего не делает. Потому, особенно не кручинясь, пенсионер стянул трубообразные заготовки со скалок и, нацепив на заранее приготовленные колодки, повторяющие форму ноги, принялся за придание нужной формы, выделявая носок и пятку. Не сказать, что очень здорово получилось. Все-таки давно уже сам не занимался делом этим и кое-что позабылось. С другой стороны, – утешал он себя, – кузнец ребят на семь дней отправил, а шерсти он еще летом заготовил столько, что хватит как минимум на три попытки.

Наконец, когда болванка приняла форму привычной обувки, Николай Сергеевич, вооружившись деревянной колотушкой, принялся выправлять изделие. Дыхание сбилось, а пот, стекая ручьями, начал заливать глаза, но останавливаться сейчас большого смысла не было. Уж стоило потратить еще пару часов, пока материал не начал подсыхать. Да и ребята сметливые попались; быстро поняли, что и как делать, потому вскоре сменили своего учителя и теперь принялись тщательно охаживать бока свежеизготовленных валенок деревяшкой. Увлечшись, те и не сразу заметили, что в дверях, склонив голову и молча наблюдая за процессом, стоит сам Сергей Радонежский.

– Бог в помощь, – кивнул старец хозяину.

– Благодарствую, отче, – поклонился ему Николай Сергеевич. Мальчишки, бросив свое занятие, также склонились в молчаливом поклоне. – Благослови.

– Благословляю на дела ладные. – Гость осенил знамением пенсионера, а потом и каждого из ребятишек. – И чего это ты посреди ночи удумал творить, а?

– Погляди, Сергей, обувь какая ладная получается, – продемонстрировал колодки с заготовками Николай Сергеевич. – Мальцам спасибо, а то один едва ли справился бы.

– Ночь – время роздыху между бдениями дневными, – негромко отвечал Радонежский. – Битвы великие, они не только мечами калеными да молитвами смиренными выигрываются. Клинок в руке уставшей – холоден, молитва в устах бессильных – пуста.

– Твоя правда, – не задумываясь особенно над смыслом, весело отвечал преподаватель. – Да, времена придут, когда к молитвам да клинкам – тулупы да обувь добрая прибавятся. Люты зимы русские, не один раз супостатам хребтины попереломят.

– Невидадь, – и так и сяк разглядывая заготовку, кивнул головой старец. – А мокрые чего?

– Да просушу еще. Без воды оно такой и не смастерить, – и так и сяк ворочая обувь, давая возможность как следует разглядеть ее, продолжал учитель труда. – Печку бы еще, – раздосадованно вздохнул Николай Сергеевич. – Оно бы и дыму меньше, и тепла больше, и валенки сушить – ловчее. А так на огне. Того и гляди спалишь.

– Мальцов, смотри, умаешь.

– Крепки мальцы, – ухмыльнулся в ответ пенсионер. – Кузнеца детки.

– А я тебе вот что говорю, – видя, что не понимает его собеседник, насупился святой отец. – Ты мне шумом своим всю братию мучишь! Ночь на дворе уже, а поутру вновь молитвам смиренным предаться должно. А кто сам себе пост принял ночь эту в служении посвятить, и тем помеха ты с мастеровыми своими.

– Прости, отче, – спохватился вдруг пенсионер; за работой-то он и не заметил, что ночь на дворе глубокая, – твоя правда; увлеклись.

– Бог простит, – кивнул в ответ тот. – А тебе и подавно. Ты не забывай только; не один ты здесь.

– Благодарю, отче, – снова поклонился Булыцкий.

На том и закончили. Пацанов решил Булыцкий не отпускать, чтобы ночью, не дай Бог, не случилось чего. Уложив всех на топчанах, сам, устроившись поудобней, принялся так и сяк ворочать заготовки, так, чтобы и просыхали равномерно, и не перегрелись. За делом этим и не заметил, как уснул.

Разбудил Булыцкого гул – не гул какой-то. Вроде как переговаривался кто-то напряженно. «Валенки!» – спохватившись, подскочил он, и тут же сообразил, что спит, укрытый рогожкой, на топчане, а на полу уже сосредоточенно возятся, раскатывая новую заготовку, пацанята.

– А? Вы? – еще толком не сообразив, что происходит, встряхнул головой Николай Сергеевич.

– Прости, Никола, – прогудел Гойко. – Без тебя вот решили еще попробовать, а то все, как сосунки немощные, под присмотром твоим.

Ничего не ответил учитель, только улыбнулся да на всякий случай заготовку, что мальцы подготовили, проверил; та очень даже ничего оказалась. Ребята на славу постарались!

– Вы тогда вот чего, – окончательно придя в себя, отвечал Булыцкий. – Я эти пока сушить буду, – кивнул он на уже готовую пару, – да приглядывать, чтобы вкривь у вас что не вышло. Вот только побольше шерсти надо бы, да скалку другую. Побольше. Ладно хоть заготовил заранее. А то опять – мальцу только впору и выйдут. Эти-то, вон, глядите, и без того малы. А ведь все равно усядут еще; еще меньше станут.

– Уразумели, Никола, – потеряв еще не поросший волосом подбородок, отозвался Гойко.

– Ну так и Бог в помощь.

На том и порешили. Булыцкий снова подсел к очагу и принялся и так и сяк вертеть заготовки, следя, чтобы языки пламени ненароком не лизнули драгоценную обувку, а ребята под руководством Гойко – медленно восстанавливать процесс. В этот раз, понятное дело, медленней; видно было, что ребята ох как стараются! Иной раз – чересчур даже. Впрочем, Булыцкий, вспоминая свой школьный цех, и не лез совсем, предоставив ребятам право самим разбираться, отвечая на вопросы да, если совсем не так что, подсказывать, что да как.

Так и день пролетел весь: в заботах. Прерывались, только чтобы пообедать, да на молитвы, да если Сергей наведывался да вопрошать начинал, мол, что да как. Видно было, что и настоятеля занял процесс. Настолько, что позволил двоим схимникам труд на себя принять да «во славу Божию» присоединиться к «артели». Тут, правда, конфуз другой вышел: и впятером насилу умещались парни в келье. И это при том, что непосредственно валенки изготавливали трое! А один сушкой занимался, а еще один – шерсти подготовкой. Решили, правда, и это: келью одного из схимников заняли, и теперь работа кипела в двух хибарках. Николай Сергеевич же, чтобы не носиться туда-сюда и, не дай Бог, простуду не подхватить, ушел к «новичкам», предоставив Гойко самому руководить процессом.

Ох, как тот обрадовался! А что: смышленный парнишка. Булыцкий уже и сам поприметил это и теперь прикидывал, что надо бы его поближе к себе держать да наукам обучать. Бригадир ведь, ну никак не меньше! А ведь еще раньше подметил пенсионер, что, если в городе еще как-то выделяются в специализации отдельные смышленные да бойкие, то в деревушках, по большей части своей, все, как один; что надо, то и делают, руководимые старшим в семье. А вот начали мальцы в футбол гонять, так разом и понятно стало – кто во что горазд. Кто – вожак, а кто – просто ловкач, да все одно – вести его за собою надо бы. Начал Булыцкий ремесла новые продвигать, и тут – пожалуйста. Вот уже и мечта забрезжила дерзкая: озадачиться вопросами возвращения лидеров сызмальства самого. Ведь недаром сам все ступени прошел, от октябренка до комсомола. Эх, как жалел, когда упразднили систему эту! А теперь – пожалуйста! Самому теперь возможность представилась создать нечто подобное!

Работа кипела вовсю, что и времени не замечали бег. Уже и шерсть, заготовленную надолго впрок, всю укатали, а на специальных кольях красовались, просушиваясь над очагом, шесть пар неказистых обувок. Была и седьмая, да ее, к немалому огорчению ребятни, спалили ненароком, пока сушили.

За работой семь дней и пролетели. А пока возились – мороз снова ударил, сковав землю да ледяными бельмами залепив собравшиеся лужи. Солнце наконец вывалилось из-за туч, а свежий ветер разметал остатки хмари да бесконечных туманов; оттого и воздух прозрачным стал. До одури, до звона.

– Примерь, отче. – Булыцкий протянул одну из пар готовых валенок зашедшему в гости Сергию. Перекрестившись, тот осторожно принял дар, и так и сяк вертя его, разглядывая со всех сторон.

– Чудны, – наконец довольно подытожил тот. – Да только чуть посырее станет, так и не обуешь.

– Твоя правда, – согласился Булыцкий. – Да не на оттепель обувка-то. На зиму лютую. Вместо сапожков-то.

– Тесны, – примерил валенки старец.

– А ты попробуй, может, разносятся, – огорчился Николай Сергеевич. – Не силен размер подбирать, – развел он руками.

– Угодные ты Богу дела творишь, – улыбнулся в ответ Сергий. – Мученику подобно. Не ошибаются те лишь, кто не делает ничего, а, раз так, то тебе и вовсе кручиниться не о чем, Никола, – улыбнулся старец. – Твои деяния уже вон душ сколько спасли. А еще спасут сколько, только Богу и ведомо.

– Благодарю, отче, – склонился Булыцкий.

– Слыхивал, про печь все гредишь, да все не ладится у тебя, – сменил тему настоятель. Тут Киприану спасибо. Помог. Подсказал слова, какие надо бы говорить Сергию, да и сам чего-то напел, с Сергием с глазу на глаз общаясь. Так, что и оттаял тот, да сменил гнев на милость, да позволил печью заниматься.

– Твоя правда, Сергей, – кивнул головой пенсионер. – Да вот кирпич нужен, а без него беда! Разве из камней попробовывать, да и то невесть что получается. Вон, смотри, развалилась, – огорченно кивнул он на грудку камней; все, что осталось от последнего эксперимента.

– Так не купишь ведь. Дорог! Вон кремль белокаменный во что обошелся-то! Одним камнетесам сколько уплатили! Так еще и дотащи камения эти!

– Да мне бы хоть обычных-то камней собрать! Ну хоть на одну-то печурку! Мало, что ли, разбросано?! Их бы только поискать!

– Так и Бог тебе в помощь, Никола.

– Людей дай, Сергей. Я вон мальцов упросил, чтобы камения собирали, да в склады складывали, так сюда перевезти и осталось-то. Да слабы отроки-то! А еще – глину! Оно, как ни крути, а камии-то так просто не уложишь в гору-то.

– Любо тебе, Никола, от молитв смиренных паству отвлекать, – задумчиво отвечал Сергей. – Все неимется тебе, хоть уже и влас седой. А ведь, по-другому поглядеть, так и во благо все твои проделки. Все во имя великого дела да во славу Божию. – Радонежский замолчал, собираясь с мыслями. – Был бы другой кто, не позволил бы. А тебе отказать и Бог не велит. Посему, будут тебе люди, Никола; да ты только не забывай о том, что паства хоть и смиренна, да все одно нет-нет да взропчет. Ты, хоть и во благо все творишь, да уж больно шибок; в месте тихом да уединенном суету все сеешь. Негоже для монастыря смиренного суета эта. От битвы во имя славы Божьей отвлекает. Ты уж не обессудь, Никола, да к посаду тебе ближе надобно бы. А и хоть бы за тын; все глаз меньше любопытствующих покой молитвы читающих тревожить будут.

– Прости, Сергей, покой что тревожу братии твоей, – смиренно поклонился Булыцкий.

– Бог простит, – мягко улыбнулся в ответ тот. – И ты меня, Никола, прости.

– Бог простит, – поклонился он в ответ.

– Ну и слава Богу, – снова улыбнулся настоятель. – Завтра ранехонько и отправишься по каменья да по глину. Оно и славно получается; купец приехал с дарами. Благодарит, что отвадили от похода в Казань весной. Так вот тебе и лошадка, и телега. Дело, видать, богоугодное, раз оно вон как все складывается.

– Видать, да, – почесал затылок Николай Сергеевич. – А что, получается, не ходили купцы туда?

– Получается, – да. Только ты их и поспрошай. Мне дела мирские далеки.

На том и разошлись. Сергей – к купцу, разъяснить, что за просьба у него, да и зачем, а Булыцкий, схватив тачку, – на реку за песком, а потом и к буераку, где глины еще летом заприметил, годной вроде для печи изготовления. Уже вечером, натаскав всего необходимого и вывалив все в одну яму, Булыцкий при помощи Ждана и не ушедших еще сыновей кузнеца принялся тщательно перемешивать все это до получения однородной массы.

– А как застуденеет? – поинтересовался верный Ждан.

– С чего бы?

– Ну, как кувшин. Студенеет. Твердым становится. Как потом выковыривать?

– Так то на солнце да в печи, – усмехнулся в ответ Николай Сергеевич, в очередной раз отмечая смекалистость паренька. – А здесь, вон, и в яме вода, и на улице – холодно. До утра разве что примерзнет, да и то – не беда. А утром, дай Бог, каменьев привезем да приступим, – смахнув пот со лба, выдохнул преподаватель. – А теперь – почивать. – Пацанята послушно кивнули головами и отправились спать.

Уже на следующее утро, со скрипом и стоном, из ворот монастыря выкатилась телега, запряженная невысокой косматой лошадежкой. В телеге, свесив ноги, сидели Булыцкий, Ждан, Угрим да Путша, отправленные Сергием в помощь Булыцкому. Ребятишки окрестные на славу постарались, выискивая каменья, так что осталось лишь собрать их да в одну кучу вывалить и, честно сказать, никак не меньше нескольких дней потратить на все это планировал пенсионер. Оно, хоть и немного надо было поперву-то, а все равно; по раскисшей слякотной

дороге оно, пусть бы и с тачкой, а все ж намаешься. А тут – на тебе: телега с лошадкой, да еще и молот, если расколоть чего придется!

Дело ладно спорилось; еще до наступления вечера успели они объехать все, да, набрав полную телегу камней, – а мало ли чего еще сладить надо будет, – двинули по направлению к монастырю.

– А ну, православные, стой! – раздалось из полумрака, да так, что аж лошаденка испуганно всхрапнула. – Куда каменья поволокли, души бесьи? – зашелся кашлем невидимый разбойник.

– А ты кто таков будешь, что тебе кланяться должен?! – крикнул в полутьму преподаватель.

– Можешь и не кланяться, коли животом не дорожишь, – хрипло раздалось в ответ.

– Мы – люди Божьи, – вглядываясь в мрак, выкрикнул преподаватель, – на Отца волю во всем полагаемся. Коли написано, так и живота лишиться не страх! А ты – то чего в темноте рожу прячешь? Страшна больно, иль у самого душонка заячья?!

– Ох, Никола, не переменит тебя ничто. – Из лесу прямо к лошади вышел невысокий коренастый бородач, с закинутым за спину луком.

– Милован? Милован! – расхохотался Булыцкий, ловко спрыгивая с телеги. – Милован!!! – Он радостно обхватил товарища и принялся хлопать по спине и плечам.

– Тише ты! Кости переломаеть! – принялся вырываться тот.

– Прости, Милован. Как ты здесь?

– Да вот, проведать решил – как ты тут. Не наломал ли дров по новой да не учудил чего ли, а то все нянька тебе нужна, – согнулся в кашле бывший лихой. – У, проклятая! – сплевывая мокроту, вновь зашелся кашлем бородач.

– А один чего? А посреди ночи? А как с лихим кто попутает? А Тверд чего? – Николай Сергеевич с ходу закидал товарища вопросами.

– Ох и скор ты, чужеродец, – остановил его Милован. – Ты прими, обогрей, накорми поперву, а потом пытай; чего да как. Чтобы статно все, как у людин почтенных. Оно ведь, дружинник перед тобой теперь княжий! А к тебе, – нахмурившись, перевел он взгляд на Угрима, – брат из грядущего, что ли? Такой же, что ли, горячный?! Тут с одним-то сладу никакого, а с двумя так вообще – беда!

– Угрим-то! – расхохотался Николай Сергеевич. – Все за братьев держат, – поглядев на высокого бородатого схимника, и сложением, и лицом на пришельца ох как походившего.

– В селе все Оглоблей кликали, – скромно улыбнулся монах. – За рост-то.

– А не помню тебя, хоть и при монастыре жил.

– Так я и пришел на исходе лета. Как весть про Тохтамыша пролетела, встал и пошел. Думал, в Москву, в дружину к князю податься, да вот в монастырь попал.

– А татка с мамкой как же? Оставил, что ли? – нахмурился бывший лихой.

– Так ведь Бог прибрал еще о том годе, а из братьев только я и остался. Ни роду, ни племени. Никто, – перекрестившись, вздохнул здоровяк.

– Прости, – тут же смягчился дружинник.

– Не за что тебе прощения просить, добрый человек.

– А ты чего телишься?! – Бородач набросился на трудовика. – Друг не кормленный, не отогретый, а ты тут тары-бары развел! Не так товарища встречают!

– Прав, – ухмыльнулся в ответ преподаватель. – Так идем! – хлопнул он по плечу закашлявшегося товарища. – Да расскажи, чего да как в княжестве? Как Дмитрий Иванович устроил все. Новости, знаешь сам, сюда долго идут.

Страсть как интересно!

– А чего не рассказать-то? – расплылся в улыбке тот. – Вот, слушай, Никола...

Следующие полчаса, что вышагивали друзья по размокшей тропинке, Милован, ежеминутно откашливаясь, подробно рассказывал, что да как происходило в Московском княжестве. И, хотя лихой говорил много и непринужденно, а нет-нет и ловил себя Булыцкий на том, что вроде как недоговаривает он.

Княжество Московское, как оно и до нашествия было – улус Золотой Орды до скончания веков, Дмитрий Донской и потомки его – братья младшие Тохтамыш и его родни. Теперь все беды наполоам, а за то от Московского княжества дань: четыре тысячи рублей в год[38 - По итогам договоренностей после сожжения Москвы, Дмитрий Иванович выплатил Тохтамышу дань в размере пяти тысяч рублей.] и право самолично решать проблемы с окрестными славянскими улусами, да земли новые присоединять к владениям Золотой Орды. Следующие три года отводятся князю на ран зализывание да хозяйство и дружину в порядок чтобы привести. После того – в походах Тохтамыш брат младший обязан родственника поддерживать, по зову являясь конно, людно да оружно. Союз да договоренности эти скрепивши, в совместный поход отправились на князей удельных; крест целовать заставлять на верность да «поминки» собирать.

Оно хоть и шли не торопясь, силу как бы свою показывая да гонцов наперед рассылая, да тут уж всех на колени поставили. Первым – Рязанского князя Олега Ивановича, давно уже мечтавшего объединить вокруг себя Владимирское да Суздальское княжества. Князь Рязанский услышал отправленных заранее гонцов и даже не попытался организовать сопротивление и попросту открыл ворота, да и сам навстречу с покаянием вышел. За то и свой живот сохранил, и душ православных уберег великое количество. Ну, разве что боярам, перед осадой Москвы утекшим, несладко стало. Их кого и казнили, а кого, холопов лишив, помиловали, по миру пустив. Ну, и земель, понятное дело, не вернули. Разве что самым надежным.

Владимирско-Суздальские же князья, напротив, поступили неосмотрительно. Словно бы желая отомстить за гибель Семена Дмитриевича[39 - Семен Дмитриевич и Василий Кирдяпа – родственники князя, обманом заставившие открыть ворота Москвы, что и привело к падению крепости.], утекший с поля боя Василий Кирдяпа ухитрился настроить против Московского князя доживающего

уже свой век Дмитрия Константиновича[40 - Дмитрий Константинович - Нижегородский князь, отличавшейся лояльностью к Дмитрию Ивановичу и действовавший на стороне великого князя Московского.], и тот, собрав нижегородское войско и созвав дружины мордовских князей, двинулся против объединенного войска Дмитрия и Тохтамыша с тем, чтобы успеть занять Суздаль и встретить неприятеля. Впрочем, это ему не удалось, и войска встретились в поле недалеко от Владимира.

Дмитрию Ивановичу не составило большого труда убедить Тохтамыша использовать уже проверенную тактику и действовать двумя отрядами. Тем более что передовой отряд Московский князь вызвался самолично вести в бой, а остатки армии Тохтамыша должны были в прилеске укрыться да по первому сигналу на помощь прийти княжьим войскам. И готовилась сеча великая, и повел Дмитрий Иванович войско на рать Дмитрия Константиновича, но Бог всемогущий вновь на стороне князя Московского оказался. Князь Нижегородский-то[41 - На самом деле Нижегородский князь был союзником Дмитрия Ивановича.] умом слаб оказался да войско так выстроил, что оно тут же в окружение попало, и, видя бесполезность кровопролития, Константинович сам приказал оружие сложить, да целовать крест на верность великому князю Московскому направился.

А пока действие то разворачивалось, шедший тайком отряд Василия Кирдяпы да бояр самых неугомонных, который по задумке Нижегородского князя в тыл объединенному войску ударить должен был, в том же самом прилеске напоролся на резервный полк под руководством Тохтамыша. В схватке той много татар посеченных оказалось, да ко всему еще и насмерть был ранен знатный ордынский военачальник - татарский цесаревич, что ордынцам и лично Тохтамышу обиду личную учинило. Да вот виновника обиды той наказать не удалось. Хоть и неожиданностью полной оказалась встреча та для обоих военачальников, все ж Кирдяпа проворней оказался. Он же и смекнул первый, что, хоть врасплох застал татар, да все равно ни в умении, ни в количестве не тягаться ему с Тохтамышем, поэтому с горсткой самых преданных ему людей, снова утек с поля боя, укрывшись теперь за стенами Твери.

Русское войско потерь не имело, татарское - еще на треть потаяло. Нижегородцам же эта схватка обошлась в четыре тысячи рублей: три с Нижнего Новгорода, да одна - с Суздали. Ну, и мастерами дань. За то - гарантии мира и всяческая поддержка в вопросах борьбы с Борисом[42 - Главный конкурент князя Нижегородского.]. На том замирились, и Дмитрий Константинович,

поцеловав крест, передал войско свое Московскому князю, а сам, за слабостью своей, отправился домой; доживать оставшиеся ему дни[43 - Дмитрий Константинович умер в 1383 году.]. Теперь уже огромная армия отправилась на приступ Твери, в которой и без того обиженный и оскорбленный князь Михаил[44 - Михаил Иванович Тверской – князь княжества Тверского.] уже приютил и обогрел беглого Ваську с горсткой уцелевших бояр.

В этот раз вперед уже гонцов татарских отправили; настолько Тохтамыш потрясла потеря понесенная, что сам пожелал весть составить князю, предателя за вратами укрывшему. Уж когда получил князь Тверской бересту эту, поздно делать что-то было да в ноги падать. Обезумевшие от ярости и горя татары первыми ринулись на приступ, неся огромные потери. Взять крепость, правда, с ходу не вышло, и объединенная армия приступила к длительной осаде, в ходе которой основным миротворцем и выступил Дмитрий Иванович. Во многом благодаря именно его усилиям удалось убедить князя Тверского Михаила ворота крепости отворить и сделать так, что уже немногочисленной шайке кочевников не оказали ни малейшего сопротивления, когда они в дома заходили худые и знатные боярские и брали себе то, что вздумается и кого вздумается. Запрет только строжайший на грабеж церковей и кремля. А еще – четыре тысячи к выплате на потери понесенные и на вечное признание себя вассалом князя Московского. Кирдяпу же и бояр тех, которые за то, чтобы предателя принять ратовали, лично Тохтамыш и казнил.

А тут и гонец от Муромского княжества прилетел с просьбой о мире; Федор Глебович[45 - Федор Глебович – князь Муромского княжества.] с боярами своими, понимая, что захиревшему княжеству никак не тягаться ни по мощи, ни по могуществу с объединенной армией, решили попросту упредить кровопролитие и сами готовность выразили крест на верность целовать. А коль скоро ни у потерявшего почти всю свою армию Тохтамыша, ни у уставшего от вида крови да слез православных Дмитрия Ивановича не осталось никакого желания вести дальнейшие боевые действия, решено было, что князь Муромский выплатит тысячу рублей и дань мастерами и красавицами и навеки признает главенство Москвы над собой.

Оно в итоге и вышло, что собрали двенадцать тысяч серебром, да в полон тьма-тьмущая народу православного набрана. Восемь, – за два года вперед, – Дмитрий Иванович отдал брату старшему, да тысячу сверх – за души погибших в сечах отважных мужей татарских. За то совсем было поникший Тохтамыш тут же согласился простить недоимки предыдущих лет, а остальные собранные

деньги отдал брату младшему – в награду за борьбу с самозванцем Мамаем. А еще обставили Тохтамыша в том, что полон весь скупил; почти семьдесят тысяч человек, среди которых и красавицы, и мастера, и удалы, и бояре даже. Все теперь вокруг Москвы расселяются да быт помаленьку мостят. Тохтамыш же, с остатками некогда грозного войска да с дарами богатыми отправился домой.

И хоть рассказывал Милован все это, словно сказку какую читал, а Николай Сергеевич то и дело мысленно аплодировал великому князю Московскому, дивясь смекалистости да мудрости.

– Помогите! Христа ради, помогите! – донеслось откуда-то из леса. – Не оставьте в беде, православные! Христом Богом молю!

– Слышь, Никола, – встрепенулся Ждан. – Кличет кто-то.

– Чего? – увлекшиеся разговором мужчины и не сразу сообразили, что и в самом деле откуда-то из лесу доносится клич о помощи.

– Есть, что ль, рядом кто-то? Не оставьте в беде, родные вы мои! – снова и снова доносилось из самой чащи.

– Слышь, Милован, – разом насторожился Булыцкий. – Кличет кто-то, что ль?

– На то похоже, – переменившись в лице, отвечал тот. – Кто бы это; лихих уж и нету, путник в ночь – и тот вряд ли пойдет, схимники уж и в монастыре все, а кто с тобой. Смерды – так те – кто по лавкам, кто с мальцами тетешкаются, а кто и с женками подавно. Купец, что ли? – скорее сам с собой разговаривая, рассуждал тот.

– Дух, может, чей, неприкаянный, – вставил подковылявший к мужчинам Ждан.

– Типун тебе! – закашлявшись, прикрикнул в ответ Милован, да так, что Ждан поспешно перекрестился: то ли от страха перед схватившимся за лук мужиком, то ли убоявшись собственного предположения, а то ли и вовсе по привычке.

– Эгей! – прикрикнул в ответ Николай Сергеевич. – Куда пропал-то?!

– Ау! – тут же раздалось из чащи. – Кто здесь? Помогите! Души живые, спасите, Христа ради!

– Ждан, Путша, здесь сидите. Угрим, Милован, айда за мной! – Прихватив молот, Булыцкий направился на зов. За ним – двое мужиков.

– Не замолкай! Где ты там! Голос дай! – на мгновение потерявшись в пространстве, прокричал Николай Сергеевич. – Да ори ты, православный! Не замолкай!

– Ау! – донеслось из лесу.

– Стой, где стоишь! – прикрикнул коренастый Угрим.

– Православные, что ль? Христа ради! – снова донеслось из лесу. – Совсем заблукал! Уж и не думал, что души живой голос услышу. Не оставьте в беде, родненькие! Уж и с животом простился было, – снова и снова доносилось из чащи.

Уже не задумываясь ни о чем, товарищи бросились на зов. То и дело останавливаясь, чтобы, прислушавшись, скорректировать направление, они бросались дальше, ведомые криком попавшего в беду. Мгновение, и вот они буквально налетели на одетого в перепачканные, местами порванные одежды, невысокого, но крепко сбитого бородача. Едва только завидев спасителей, тот, отбросив в сторону кривую суковатую палицу, служившую посохом, подался вперед, буквально повиснув на шее у бежавшего впереди Милована. На покусанной мошкаррой роже скитальца расплылась аляпистая улыбка, а сам несчастный тут же рассыпался в благодарностях:

– Спасители, что ль? Спасители мои! Ангелы! Люди добрые, – похлопывая по плечам дружинника, тараторил тот.

– Да что случилось-то?! – с трудом отдирая мужика от себя, прорычал Милован.

– Сурожанин я, родненькие мои, – рыская туда-сюда глазками и переводя взгляд с мужчины на мужчину, пел тот. – Третьего дня по лесу... с караваном в Царьград шел, да беда случилась! Лихие людишки в дороге повстречались.

Все! Ни товара, ни людины! Сам живот насилу спас! Три дня без еды блукал, думал уже – к Богу путь прямой! Слыхивал, что обитель Сергия Радонежского где-то недалече, да в лесу потерялся! Сквозь кущи да буреломы, руками рвал... Вас услышал – перелякался поперву. Бог знает, может, недобрые какие. А, все равно! Какая разница, что ль, с голодухи, от зверья или ножа, что ль, лихого сдохнуть? – сбивчиво продолжал тот. – Братья, что ли? – Отодравшись, наконец, от мужика, тот перевел настороженный взгляд с Угрима на Булыцкого. – Знак, говаривают, добрый, коли братьев в дороге повстречаешь.

– Ну, пусть братья, коли хороший тебе знак нужен, – усмехнулся Николай Сергеевич.

– На, бедолага, возьми, – Милован вытащил из сумки ломоть хлеба и протянул его путнику. – Ишь, горемыка, изголодался, – глядя, как тот покарябанными своими пальцами судорожно вцепился в краюху, покачал головой бывший лихой. – Ну-ка, Угрим, подсоби-ка, – когда несчастный разделался с хлебом, обратился Милован к товарищу. – А мы – рядышком, – сплевывая мокроту, настороженно зыркал он по сторонам. – Не приведи Господь, если лихие зов слышали! Стекутся со всего лесу! Им-то сейчас, ежели Дмитрий Иванович про них прознает – смерть верная. Вот так! – довольно кивнул головой бородач, видя, как заблудившийся грузно навалился на аж крякнувшего Угрима. – А теперь – живо! Не дай Бог на лихих снова налететь!

И, подгоняемые страхом да понуканиями Милована, мужики заторопились из лесу.

– Брехун! – улучшив момент, шепнул дружинник[46 - Дружинник – наемник князя. Профессиональный воин, занимающийся военным ремеслом.] Булыцкому.

– Чего? – не сразу сообразил опасливо поглядывавший по сторонам Николай Сергеевич.

– Последних лихих еще летом повырезали, – поглядывая на Угрима с незнакомцем, продолжал Милован. – Князь соседей усмирял пока на пару с Тохтамышем, я с дружинниками по гнездам разбойничьим прошелся. Никого не пощадили, – сквозь кашель закончил мужик.

– Ты? – не поняв, уставился на товарища пенсионер. – А Киприан говаривал, что наоборот, – лихих самое время сейчас. Вон смерды с голодухи в леса бегут да шайки сколачивают.

– А ты верь ему больше, – проворчал в ответ тот. – Киприан за тын и носу не кажет! Ему что пустобрех какой расскажет, то и правда.

– Так что же это, – ошарашенно остановился пенсионер, – брехня все, получается. И что жрать нечего, и что смерды с холопами буянить начинают?!

– Про жратву – верно, – схватив товарища за руку, потащил его вперед Милован. – Что беспокойно нынче – тоже ладно. А вот что лихие распоясались – брехня. Вон Дмитрий Иванович, ратников своих чтобы не распускать по домам, жалованье учредил да по землям расселил, чтобы присматривали они за порядком да рассказывали князю, чего там да как. Оно и спокойней сразу, и люд горячий при деле и не буянят. Киприан-то всего этого не знает, вот и попусту воздух сотрясает. А вот этот, – кивнул он в спину купцу, – брех!

– С чего решил-то так?

– Третьего дня без жратвы, а орал, что диакону не всякому под силу! – негромко, чтобы идущие впереди не услышали, обронил бывший лихой. – Краюху больше на землю покрошил, чем сожрал. Рожа покусана, да ни одной царапины или синяка; как от лихих тикаешь, так и не глядишь куды. Живот бы сохранить и то – слава Богу! Руки вон, как кошкой, покорябаны, хоть через кусты с руками голыми, говорит, продирался. Обниматься как полез, так кости чуть не переломал; силищи – что у лешего! Да и гляди: не Угрешка его тащит, а купец его волочет. Брехун! – давя очередной приступ кашля, заключил Милован.

– Так, может... – Булыцкий дернулся было вперед, но тяжелая рука Милована легла на плечо.

– Ты, Никола, ежели дров не наломал, так и день зазря прожил, – прогудел бородач. – Все нейметя тебе. Ты не горячись, да понаблюдай, да повспоминай, чего там, в грядущем твоём, кажут. Глядишь, и про этого что упомнишь.

– Твоя правда, – угомонился пенсионер.

- Ты, мил человек, вез-то что? - нагнав мужчин, поинтересовался Милован.

- Соболя да кольчуги; в Царьграде они ох как ценны. Вез вот, а ушел от Москвы недалече... но уж и подумывал: что ль бросить все да женку взять, а там, Бог даст, и с мальцами понянчиться доведется, да вот, решил в последний поход. Видно, Бога слушать надобно было, что он подсказывает. А то - ни барыша, ни товаров, да живот едва не потерял.

- А каково оно сейчас, после похода Тохтамышева торгуется? - тут же вырос рядом Булыцкий. - Оно небось мосты по новой-то ладить ох как несладко?

- О чем ты, мил-человек? - не сразу и понял тот.

- Как же? - в свою очередь, удивился Николай Сергеевич. - Слыхивал я, в Казани повырезали купцов-то всех, чтобы в Москву весть никто не донес.

- А, это? - запрокинув голову, слишком громко для измученного тремя днями голода расхохотался незнакомец. - Не слыхивал, что ль: то - нижегородских! Нас Дмитрий Иванович к Ольгерду отправил с дарами. Оно, как-никак, родственники, хоть и, бывают, лаются. Повелел к ним, замиряться. Негоже, казал, друг на друга камни держать за спинами.

- Чего вдруг? - удивился Булыцкий.

- Я, что ль, знаю? - крикнул в ответ тот. - Ты у князя поспрошай-то. Ему виднее! Оно, хоть и без барыша поход был, да сам князь оплатил да снарядил. Так что пуще Царьградского он нам по душе пришелся. Князь, что ль, сына посватать решил за кого из Ольгердовичей? - задумчиво пробубнил тот. - Хоть и родственники, а все решил союз тот крепить...

- Да как так-то? Чего вдруг родственники-то?!

- Да так, что Андрея Ивановича, брата Дмитрия Донского, женщина - Ольгерда дочка, - охотно пояснил тот. - Их еще Алексей патриарх женил. Летом, что ль, позапрошлым, - увлекшись разговором, незнакомец уже и сам бодро зашагал, забыв и про хромоту, и про усталость свою. - Вот и кумекаю я: князь чего-то задумал, а чего - Богу одному ведомо.

– Курам на смех, а не родственники, – в ответ проворчал Николай Сергеевич. – Паче недругов такие. – Его собеседник просто пожал плечами: мол, каких Бог дал, такие и родственники.

– Звать-то тебя как? – поинтересовался Милован.

– Некоматом кличут, – отвечал тот. – Некоматом Сурожским. Слыхивали, что ль, – почему-то расплылся в улыбке тот.

– Слыхивали, – равнодушно кивнул Милован. – У Алексия, говаривают, в почете был.

– Говаривают, – снова ухмыльнулся тот. – Много чего еще говаривают, – помолчав, добавил он. – И друзья и, паче, недруги, – резко переменившись в настроении, зло сплюнул он себе под ноги. – Завидно, что ль? Так то от незнания... Всем, что ль, думается, что жизнь купца – мед сладкий. Мол, люд торговый; везде почет да прием радушный. К князьям вхожи. А нам, что ль, сладко от того? Где с чистой душой примут, а где и с камнем за пазухой. Смерды! – почему-то яростно погрозив кому-то кулаком, прошипел тот. – Вот и наговаривают.

– А ты, значит, ни на кого не наговариваешь? – буркнул в ответ Милован.

– И я, бывает, наговариваю, – насупился собеседник. – Не грешен, что ль? Да только мое дело – малое, да хоть иной раз и удалое, а иной – и лихое. Мне нынче что ни день прожитый, так и слава Богу.

– А ты имя его всуе не поминай, – отозвался Милован.

Некомат ничего не ответил, и оставшийся путь прошли молча.

Уже на дороге, где поджидали их Ждан с Путшей, скиталец, тяжело распластавшись в телеге, снова принялся нить и канючить, да так, что сердобольные монахи закрутились вокруг, то воды подавая, то соломки или чего там подсовывая, чтобы лежать было тому на камнях этих удобней, а то и просто рогожку, которой ноги скитальца прикрыли, поправляя. Милован же шел рядом, поглядывая то на задумавшегося Булыцкого, то на Некомата.

Николай Сергеевич же, молча топая по дорожке рядом с телегой, вспоминал, а что ему известно про этого самого Некомата-бреха. И, хоть в институте, где историк, а позже, по совместительству, и трудовик образование получал, история досконально изучалась, да все равно с трудом вспоминалось про Некомата-то. Агента, как утверждали дошедшие до современности источники, генуэзцев, накрепко к тому времени увязших в войне с венецианцами за выход в море и обладание Царьградом.

Агента католической церкви, сделавшего ставку на давнего противника московских князей в борьбе за могущество с целью раскачать и без того хрупкое равновесие, сложившееся в отношениях между Царьградом и его вотчинами: Киевской Русью, Литовской Русью и Русью Московской, ведущими ожесточенную борьбу за право зваться центром православия. Княжеству же Тверскому во главе с амбициозным Михаилом Александровичем, уже, кстати, раз оскорбленным патриархом Алексием в споре с удельным князем Кашинским несколько лет назад, уделялась особая роль: стать центром, вокруг которого против москвитов объединятся литовские и ордынские хоругви.

И карта ведь в итоге вроде разыграна была красиво, и за обещаниями Некомата стояли и всемогущие генуэзцы, и грозные ордынцы. А тут еще и княжество Московское погрязло в целой серии мелких распрей, тогда как Литовское да Тверское княжества находились на пике своего могущества, да только, как потом уже выяснилось, пешкой купец оказался в игре еще большего масштаба. Так и не дождавшийся помощи спасовавшего в последний момент перед могуществом собравшейся на стороне Дмитрия Ивановича дружины Ольгерда, не получивший вовремя помощи Мамай, на несколько месяцев запертый в собственном городе, Михаил Тверской в итоге сдался на милость Московского князя, подписав договор, согласно которому отказывался от любых притязаний на власть и могущество и стал зваться «младшим братом» князя Дмитрия Ивановича Донского. Для Ольгерда же эта история закончилась выдачей дочери за Владимира Андреевича Серпуховского, что впоследствии позволило избежать серьезного кровопролития под Любутском, когда пошедший ратью на Москву Ольгерд был остановлен Владимиром Храбрым. Событие, о котором официальная летопись отозвалась следующим образом: «И стояли рати прямо друг против друга, а между ними – овраг крутой и дебрь очень большая, и нельзя было полкам сойтись на бой, и так стояли несколько дней, и, заключив мир между собой, разошлись». В итоге каждый остался на своем, и только поверженный Михаил Иванович вновь попытался взять реванш, но снова бесславно проиграл могучему Московскому князю. Что же, поделом. Хотя уже на том благодарен должен был быть князь опальный, что и в этот раз

головы не лишился.

На том следы Некомата затерялись в истории. Лишь где-то выплывала информация о достаточно бесславном завершении карьеры интригана: что, мол, казнен был за измену или предательство, но вот где, кем и когда – Булыцкий уже вспомнить не смог.

Николай Сергеевич с любопытством посмотрел на распластавшегося в телеге купца. Ничего особенного на вид... и ничего общего с эдаким типично диснеевским злодеем: тучным, обязательно с длинной черной бородой и горящими нехорошим блеском узенькими глазками. Так, уставший, зачерствевший в интригах мужик, по собственной неосторожности или же по чьей-то злой воле ввязавшийся в очередную опасную игру. Занятно? Да, но не более того. Поняв, кто перед ним, Булыцкий сосредоточился на том, что же привело этого человека к Сергию. Случайность? Вряд ли. Выходки лихих? До комментариев Милована Булыцкий охотно поверил бы в эту версию, но не сейчас. Очередная игра? Но тогда чья? И с какой целью? И почему именно сейчас? И к Сергию или, может, нет... За этими раздумьями Николай Сергеевич и не заметил, как телега подкатила к тыну Троицкого монастыря.

– Э-ге-гей! – окликнул хозяев Милован. В ответ из кельи вышел сам Сергей и, бросив взгляд на гостей, резко заговорил:

– Шумишь чего?! Почто место святое зазря тревожишь? Хоть и дружинник княжий, а все одно: знай чин! – признав в госте Милована, еще больше разгневался тот.

– Принимай, святые отцы, горемычного! – Ничуть не смутившись такому приему, бородач деловито соскочил с телеги и тут же принялся хозяйничать, создавая вокруг гостя движение. – Душу православную лихие не сгубили чуть; помолитесь за спасение чудное!

– Душу спасти – подвиг великий, – подходя к самой телеге, задумчиво произнес Сергей. – Да знать кому, что есть спасение души и спасение ли оно живота? Примем да помолимся, коли без камня на душе, – в упор глядя на показно расслабленного пострадавшего, продолжал Радонежский. – А коли с камнем – не обессудь. Других судить – грех великий, да только другому солгавший – на свою душу пятно посадит.

– Пойдем, Никола, – утянул Булыцкого Милован. – За Некоматом есть приглядеть кому, – Николай Сергеевич послушно направился вслед товарищу, уже в душе подозревая, что в очередной раз становится центральной фигурой в чьей-то чертовски сложной игре. Впрочем, на сей раз отнесся к этому спокойно; ну игра и игра. А потому Николай Сергеевич, просто расслабившись, решил не бежать впереди паровоза, но лишь отдаться воле подхватившего его течения и постараться хоть в этот раз не налететь на камни. Тем более что, как сегодня узнал пенсионер, Дмитрий Иванович не просто поверил, но еще и действовать начал по-своему, не считаясь с наставлениями пришельца. И действовать так, что Булыцкий мысленно снял головной убор и на радостях выкрикнул: «Браво!» Разыграть такой спектакль с остатками войска Тохтамыша, как следует потрепав и подчинив его именем своей воле окрестных князей, перевезти в Русь Московскую огромное количество мастеровых, в последний момент развернуть купцов и направить их с дарами к Литовскому князю. Браво, Дмитрий Иванович, браво!!!

И если поперву коробило преподавателя то, что не по его предположениям история ладится, но как-то вроде как и вкривь, то теперь понимать начал он: а почему так. Ведь при всей своей осведомленности и не подумал пенсионер о людишках навряде Некомата или того же Васьки Вельяминова – отступника, сына последнего тысяцкого на Руси. А вот князь, напротив, о таких, похоже, и призадумался. А призадумавшись, все так обставил, чтобы комар, как говорится, носу не подточил, да до Тохтамыша ни единая весточка не долетела о возможной подготовке отпора его армии. Да и потом, когда таяло войско кочевника; оно вроде как случайностью обставлено было, а на самом-то деле... Уже и не верил трудовик, что с нижегородским войском случайно все так вышло; само собою. Ведь теперь готов он был поклясться, что это – спектакль, умело разыгранный Великим князем Московским. Не зря же послов впереди войска рассылал Дмитрий Иванович! И самое-то интересное, ни даже повода не было заподозрить Дмитрия Ивановича в игре против «старшего брата».

Следуя за товарищем, Николай Сергеевич вошел в трапезную.

– Присаживайся, Никола, – коротко кивнул Милован, указывая на скамейку. – Не велел князь тебе того говаривать. Мол, горяч больно, того и глядишь, дров наломает да опять с ног на голову все перевернет. Прав Дмитрий Иванович, – вздохнув, продолжал тот. – А по мне, так еще больше наломаешь их, не знаючи. Так что я тебе, что от князя услышал, расскажу, а дальше ты, уж не обессудь, сам смекай, что оно да к чему. Мож, и не прав я, да только сердцем чуется,

что так должно. А, как Сергей говаривал, сердце не обманешь. Голову – да, можно. Сердце – никак.

В это время дверь отворилась и к мужчинам присоединился Сергей.

– Явился-таки, – присев на скамью, негромко молвил старец. – От фрязов[47 - Фрязы – генуэзцы.] – брех.

– Так что, ждали кого-то? – встрепенулся Николай Сергеевич.

– Ждали, – кивнул Милован. – Да не так скоро и не самого бреха.

– Некомат – брех. Смуту сеял меж князей в угоду фрязам. Да посеял бы, коли не Божья воля. Господу, Русь Московская чтобы сильной была, угодно. То и свершилось, фрязам наперекор. Дружку Некомата, Ваньке Вельяминову, вон, давно уже голову с плеч сняли[48 - Имеется в виду казнь Ивана Вельяминова, которая считается первой официальной смертной казнью на Руси. Процедура была придумана Дмитрием Донским, а обезглавлен Иван мечом.]. Грех на душе князя Дмитрия тот, да меньшим грехом больший отворотил. Княжьей воле непослушание, оно паче смуты открытой; так и отвадил он охотников души сырые с панталыку сбивать смертоубийством прилюдным.

– И правильно, – хмыкнул Милован. – Оно много охотников развелось до власти. А по мне, хоть и тысяцкий, а честь знай да воле князя наперекор не становись! Князь – глава. За ним и бояре. Ослушался – так и голова с плеч долой!

– Так а вече как же? – порывшись в памяти, поинтересовался Булыцкий. – Вроде как все решают, делать что, случись беда какая. Может, оно и вернее так, чем когда один-то?

– Все когда решают – так все одно, что никто, – проворчал в ответ лихой. – Оно хоть и с виду ладно, да на вече том больше глотки рвут да кулаками машут. Поди ты чего дельного порешай – в толпе-то такой! Голова одна должна быть. За ней – и бояре, и владыка, и дружина. Оно, коли так, то и толку больше, и ушкуйников нет.

– А ушкуйники при чем здесь?

– А при том, что опосля вече такого по всей Оке те, кто битым оказался, промысел такой устраивали, что лихие по лесам прятались; ни дай Бог на ушкуйников нарваться! Никого те битые не щадили! Хоть бы на ком, но отыграться! Как по ушкуям своим рассаживались да вниз по течению шли, так саранча – пыль ангельская! Хотя спору нет; и толк с них. Соболя с Югорского камня[49 - Югорский камень – Уральские горы.], да шкуры, да камня, – чуть подумав, закончил Милован.

– Ванька обиду на Дмитрия Ивановича затаил за то, что после смерти Васьки Вельяминова тот тысяцкого пост упразднил. Молодой, горячий. До подвигов охочий. Вот и грех тебе, – продолжал между тем старец. – В Орду утек да смуты оттуда мутил. А потом Некомата и повстречал. Вот вдвоем в грех ввели Михаила Ивановича – Тверского князя. Посулами славы да власти против рати Дмитрия Донского подняли. И грех, ну, и добро, конечно. Не они, так и князья бы против Твери не объединились. Не двое эти, так и княжество Тверское грозным до сих пор было бы.

– И Едигею[50 - Едигей – темник Золотой Орды в конце XIV – начале XV века. Основатель династии, возглавившей Ногайскую Орду. В 1408 году предпринял поход на Москву, но, видя, что осада затягивается, затребовал у князя Тверского помощь в осаде, однако тот ослушался и не повел свое войско на Москву.], пожалуй, ответ другой дали бы, – задумчиво добавил Булыцкий и, поймав недоуменный взгляд товарища, поспешил пояснить: – От Орды. Навроде Тохтамыша, хитрее только. И в сечах ловчее. Долго до него еще должно быть, а теперь – и вовсе неведомо, как оно там сложится. Ты пока и в голову не бери.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

Тюфяк – огнестрельное короткоствольное орудие, стрелявшее металлической или каменной дробью. Тюфяки в отличие от пушек не отливали, но делали из металлических листов.

2

Схимник – монах, принявший схиму (торжественная клятва (обет) православных монахов соблюдать особо строгие аскетические правила поведения).

3

Челядь – с XI века часть зависимого населения, занятого в феодальном хозяйстве.

4

Мортира – огнестрельное артиллерийское орудие с укороченным стволом; изначально больше походило на бочонок. Предназначалось для навесной стрельбы по укреплениям неприятеля.

5

Домница – стационарное сооружение, воздвигавшееся на довольно продолжительное время для «варки» металла. Из-за примитивной конструкции

и неотработанной технологии температуры в домницах не достигали высоких значений, из-за чего таким путем добывалось лишь кричное железо.

6

Технология металлического литья в Московской Руси в этот период времени была неизвестна.

7

Николай Сергеевич Булыцкий – историк с дополнительной ставкой преподавателя труда (см. книгу первую – «Исправленная летопись. Спасти Москву!»).

8

Кузнечная сварка – метод формирования неразъемного соединения в результате ударного воздействия на разогретый до определенной температуры металл.

9

Пищаль – «дудка». В славянских источниках встречается с XI века; применительно к огнестрельному оружию этот термин впервые упоминается около 1399 года.

10

Контузия (лат. contusio – ушиб) – общее поражение организма вследствие резкого механического воздействия (воздушной, водяной или звуковой волны, удара о землю), которое не обязательно сопровождается механическими повреждениями органов.

11

Изначально Киприан был поставлен митрополитом Киевским, и распространил свою власть на все митрополии (в т. ч. и на Московское княжество) только после смерти митрополита Алексия, являвшегося на тот момент митрополитом Московским. Однако волей Дмитрия Ивановича, которому Киприан был неугоден, и ценой серьезных интриг в Москву был поставлен Пимен. Киприан же так и остался митрополитом Киевским, даже короткое время находясь в Москве.

12

Красный угол (от ст. – слав. красьнь – красивый, прекрасный; святой угол) – часть жилого помещения, где установлена икона или домашний иконостас, а также сам этот иконостас.

13

Златоносец – носящий золотые одежды. По сути – мирской человек.

14

Епи?скоп – в христианской Церкви – священнослужитель третьей степени священства, также архиере?й (старший священник). Первоначально обозначал старшего наставника отдельной общины последователей Иисуса Христа. Епископы надзирали за христианами конкретного города или конкретной провинции, в отличие от апостолов (преимущественно странствующих проповедников).

15

Тиу?н (тиву?н) – в Древнерусском государстве – название княжеского или боярского управляющего, управителя.

16

Фрязы – гунезцы. Латиняне. В свое время приложили немало усилий, чтобы не допустить митрополитства Киприана. Действовали в основном через подкуп и интриги.

17

Куны – деньги. Закрепилось в славянских языках в общем значении «деньги», вытесняя термин «сребро».

18

Вселенский Патриарх– патриарший титул Царьградской Церкви; считается «первым среди равных».

19

Локоть – древняя мера длины, равнявшаяся примерно полуметру.

20

Анафема – проклятие (устар.). В более позднее время – отлучение христианина от общения с верными и от таинств, применяемое в качестве высшего церковного наказания за тяжкие прегрешения.

21

В описываемые времена власть князя еще не была абсолютной. Первый самодержец на Руси – Иван Грозный, и то лишь после уничтожения значительной части боярства. В это же время основные решения князя обязательно согласовывались с Боярской думой. Первые шаги по концентрации власти князя были предприняты с упразднением должности тысяцкого.

22

Вельяминовы Василий Василевич (отец) и Иван Васильевич (сын). Василий Вельяминов был последним тысяцким на Руси, после смерти которого должность должен был принять его сын Иван. Однако пост был аннулирован Дмитрием Донским в 1374 г., что повлекло за собой ссору с Иваном, который, покинув Русь и направившись в Золотую Орду, стал одним из зачинщиков ссоры Михаила Тверского с Московским князем.

23

Тысяцкий – должностное лицо княжеской администрации в городах средневековой Руси. Одна из функций – ограничение власти князя. Выражая ту или иную «народную волю», мог оказывать давление на князя.

24

Русь того времени – улус Золотой Орды, выплачивавший дань. К тому времени институт баскаков уже исчерпал себя, и внедрена система ярлыков, выдаваемых князьям и подтверждающих их право собирать дань с русских земель.

25

Имеется в виду церковный раскол 1054 года, окончательно разделивший церковь на Православную с центром в Константинополе и отделившуюся от нее Римско-католическую с центром в Риме. Причины раскола носили дисциплинарный, догматический, канонический и литургический характер.

26

Вселенские соборы – собрания преимущественно верхушки христианской Церкви, на которые выносились вопросы и принимались решения доктринального, церковно-политического и судебно-дисциплинарного характера.

27

Послы, направившиеся в Царьград, чтобы не допустить рукоположения Киприана, заручившись согласием Дмитрия Донского, брали большие займы у геноуэцев, идя на подкуп духовных лиц и лоббируя интересы Дмитрия Ивановича.

28

По настоянию Киприана, русский князь принес в дар 20 000 серебром для поддержки оказавшегося в весьма затруднительном положении Царьграда. Это произошло в 1598 году.

29

Шахматы долго не признавались церковью, считаясь бесовскими игрищами.

30

Имеются в виду простейшие виды селекции, позволяющие увеличить урожайность. Впрочем, о выводе новых сортов пшеницы речи при таких методах не идет.

31

Четь – мера площади – $1/2$ десятины засеянной земли, примерно 0,5 гектара.

32

Смерд – человек, принадлежащий князю, но не раб и не крепостной (в те времена крепостное право еще не было оформлено).

33

Бояре во времена Московской Руси – элита. Вотчинники. Представители высшего сословия. Независимые (получившие земли не от князя, а потому и не зависящие от него – люди, держащие в подчинении земли и холопов. В т. ч. и боевых. В ряде случаев профессиональные военные, по могуществу и влиянию превосходившие удельных князей.

34

Холоп – раб.

35

Ушкуйник – здесь купец. В более широком значении – разбойник, вольный человек, нанимавшийся в вооруженную дружину купцов и бояр, занимавшихся торговлей и разбоями по Каме и Волге. Название получили по торговым судам (ушкуям), на которых ходили в походы.

36

Мамай – темник Золотой Орды, претендовавший на великое ханство, но не являвшийся чингизидом.

37

Средний рост человека в те времена был значительно ниже человека современного. Частично этим и объясняется теснота келий.

38

По итогам договоренностей после сожжения Москвы, Дмитрий Иванович выплатил Тохтамышу дань в размере пяти тысяч рублей.

39

Семен Дмитриевич и Василий Кирдяпа – родственники князя, обманом заставившие открыть ворота Москвы, что и привело к падению крепости.

40

Дмитрий Константинович – Нижегородский князь, отличавшейся лояльностью к Дмитрию Ивановичу и действовавший на стороне великого князя Московского.

41

На самом деле Нижегородский князь был союзником Дмитрия Ивановича.

42

Главный конкурент князя Нижегородского.

43

Дмитрий Константинович умер в 1383 году.

44

Михаил Иванович Тверской – князь княжества Тверского.

45

Федор Глебович – князь Муромского княжества.

46

Дружинник – наемник князя. Профессиональный воин, занимающийся военным ремеслом.

47

Фрязы – генуэзцы.

48

Имеется в виду казнь Ивана Вельяминова, которая считается первой официальной смертной казнью на Руси. Процедура была придумана Дмитрием Донским, а обезглавлен Иван мечом.

49

Югорский камень – Уральские горы.

50

Едигей – темник Золотой Орды в конце XIV – начале XV века. Основатель династии, возглавившей Ногайскую Орду. В 1408 году предпринял поход на Москву, но, видя, что осада затягивается, затребовал у князя Тверского помощь в осаде, однако тот ослушался и не повел свое войско на Москву.

Купить: https://tellnovel.com/ru/remer_mihail/tayny-mitropolita

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)